

ПРЕСНЯКОВЫ В. и О. "Пленные духи"

Сцена первая.

Шахматово. Главное усадебное строение. Веранда. Стол накрыт белоснежной скатертью. Самовар, чашки, кувшинчик с молоком. Блины, булочки, масло. Варенье, мёд... Голоса птиц, звучащие издали, свиваются с терпким гудением утреннего воздуха и наполняют всё окружающее чувством покоя и светлого безвременья... Дворовый парень, чисто одетый, отгоняет от блюдца с мёдом и вареньем вредных ос. У него длинные тонкие руки и длинные волосы – на солнце они переливаются, как мандариновая кожура. За столом сидит пожилая женщина – в чёрном; перед ней в беспорядке, кое-где уголками запрокинувшись в блюдца с вареньем, лежат листы тонкой бумаги. На одном из них женщина что-то пишет, нервно – вслед за рукой, вычерчивающей на бумаге пульс её мысли и вдохновения, – подёргиваясь лицом и шеей. На веранду входит юноша – судя по всему, он только что после купания: его вьющиеся тёмные волосы прибиты водой, торс – голый, на шее – полотенце, за собой он оставляет мокрые следы. Юноша садится за стол, наливает себе чаю, смотрит на дворового парня, разламывает булочку, макает её в мёд, ест. Женщина откидывается на спинку стула, долго сидит, глядя в упор на юношу за столом, но как бы не замечая его, потом радостно вскрикивает, пугая юношу, – тот давится булочкой, кашляет. Дворовый парень растерянно смотрит на юношу, продолжая махать руками и не зная, как ему быть – но тут он попадает рукой по кувшину с молоком, кувшин падает, молоко заливает скатерть, блюдца, листы, исписанные женщиной... Юноша перестаёт кашлять, женщина участливо смотрит на него, не замечая ничего другого, парень отворачивается от стола, стоит, опустив голову.

Женщина: Сашенька, ты уже здесь! А я тебя и не заметила!

Юноша: Мама... (кашляет). Ну, как же вы, право... Так ведь вы меня... зайкой сделаете...

Женщина: Да что ты говоришь, Сашенька, разве мама тебе желает чего-нибудь такого... Мама тебе другого желает,.. она ведь уже написала тут, прямо, как проснулась, сразу села писать, а Сеня мне с завтраком помог управиться, да, Сеня?.. (Женщина переводит взгляд на Сеню, потом на стол, снова на Сеню, – и на залитые молоком листы). Ты как... разве ведь... это мне... сколько... для Сашеньки... встала... записать, говорю... Паршивец!

Юноша: Мама, не кричите на Сеню... Сеня, ну-ка, повернитесь к нам, слышите, повернитесь!

Сеня поворачивается к столу. На его глазах слёзы, он вытирает их рукавами рубахи. Юноша дотягивается до залитых молоком листов, машет ими, стряхивая капли молока, подносит к лицу, пытается прочитать то, что на них написано...

Юноша: Всё отлично читается... Вот: “Сначала я смотрю на то, как по песку, смотрю откуда-то с дерева, кто-то скачет, издали, словно точка в зареве, потом ближе, и я думаю – бык какой-то, или олень, а потом пригляделась – лошадь, кобыла, всё несётся и несётся, ту-тум-ту-тум,.. ноги переставляет, ту-тум-ту-тум... А потом я гляжу, так это я и есть... тако... была...”... Мама, видите... а вы что-то такое начали нервировать тут всех, вы же знаете, ко мне доктор должен приехать, я ночами не сплю и вообще, а вы нервируете...

Женщина: Да я не нервирую, Сашенька... Я как раз описала тебе свой сон...

Юноша: Это ваш сон?

Женщина: Ну да! Я решила, запишу-ка я всё, что во сне видела, и тебе дам прочесть...

Юноша: Зачем же мне читать, что вы во сне видите?..

Женщина: Ну как зачем, – ты ведь спать-то всё не ложишься почему?

Юноша: Почему?

Женщина: Да потому что снов боишься!.. Ты же сам мне говорил, что тебе страшно становится, когда ты сны видишь!

Юноша: Ах, ну да... Я отыскал в справочнике фельдшера, что это называется ойнерофобия...

Женщина: Как это?

Юноша: Ну, боязнь снов,.. что-ли... У меня, я думаю, как раз это и есть, но надо ещё доктора послушать, что он скажет...

Женщина: Да что он тебе скажет?! Скажет: “Да-с, молодой человек, у вас боязнь снов, – побольше, скажет, двигайтесь, гуляйте, чтобы уставать...” и денег за свой сказ возьмёт, а я тебе так говорю, без денег, а ты меня не слушаешь!..

Юноша: Я вас, маменька, внимательно слушаю, да всё понять не могу, к чему вы ведёте...

Женщина: Я к тому веду, что и без доктора тебе всё сделаю! Ведь я тебя с детства от всего сама лечила, и теперь – вылечу,..

Юноша: Так это мне, значит, совсем худо будет...

Женщина: Наоборот тебе будет, а не худо!.. Вот ты прочитал, что я во сне видела? Прочитал?

Юноша: Прочитал...

Женщина: И что, было тебе страшно?

Юноша: Да, вроде, нет...

Женщина: А раз тебе читать не страшно было, так, значит, и спать будет не страшно!

Юноша: Да?

Женщина: Да!

Юноша (снова подносит к глазам исписанный женщиной и залитый молоком лист бумаги, напряжённо и быстро прочитывает его “про себя”): Да... Но вот, знаешь, я не пойму что-то в этом месте... (Читает) “...тако была...”...

Женщина: Что “тако была”? Ну-ка, дай сюда... мне этот... я сама прочту...

Юноша: Да ведь я, в общем-то, умею читать!.. Я же вам говорю – “тако была” – что это значит, а?

Женщина: Саша, дай мне листок!

Юноша: Нет, вы мне объясните сначала... Вы же мне сказали, – “не страшно”, а тут на самом-то деле... – “тако была”?! А что это... откуда взялось..? Вы сами, выходит, не понимаете, и меня погубить хотите! Не буду я спать, и вам не советую... (рыдает)...

Женщина (дотягивается до Саши и выхватывает у него лист, читает): “Сначала я смотрю...так, так, ага, по песку... олень... так... лошадь-кобыла... так... ту-тум-ту-тум... так, так... так это я и есть тако... была...”... Гм, тако была... тако была... та кобыла... Та кобыла! Ну конечно же – “ту-тум-ту-тум... так это я и есть та кобыла!” Сашенька, я и есть та кобыла, понимаешь?! Сеня, ну скажи ему, на, прочти, вот здесь – “та кобыла”...

Сеня берёт у женщины лист, подходит поближе к Саше, громко читает.

Сеня: “...такобыла”...

Юноша: Врёте вы всё, Сеня читать не умеет!

Женщина: Как не умеет, ты же с ним разучивал... азбуку.

Юноша: Разучивал – ничего я с ним не разучивал!

Женщина: А что же вы делали всё лето? Ты ведь мне говорил, что вы азбуку разучиваете...

Юноша: Ну что вы начинаете, мама, с расспросами с этими... Вы же мне ещё хуже делаете!

Женщина: Ну ладно, ладно... Только там всё равно написано “та кобыла”, понимаешь, я вдруг поняла, что я сама и скачу по песку, что я – кобыла...

Юноша: Как же вы могли это понять, если вы спали, а? Кобыла ведь сама не могла понять, что она кобыла, кобыла, как ни крути, – животное, а что животное может понимать? Ни лошадь, ни пчела не знают и не понимают, что они лошадь и пчела... Значит, это кто-то другой понял!..

Женщина: Погоди, Сашенька, погоди... Какой ещё другой, кто это? У нас ведь тут больше никого нет!

Юноша (меняясь в лице): Вот и я говорю, кто это? Пока спишь, кто-то другой живёт в тебе, и всё за тебя понимает, и всё решает, и если уж он решит, например, зажать тебе одну ноздрю, а потом – другую, то что же это будет, а? Мама! Решит вот он, пока ты sny смотришь, вовсе не просыпаться?! Сеня! Что же это будет, а?!

Юноша сильно расстраивается, краснеет, дёргается – со стороны кажется, что он кривляется.

Женщина: Да что же это... Опять началось... Сеня! Ну что ты стоишь, успокой Сашеньку... Водой его sprысни!

Сеня подсакивает к столу, подставляет чашку под краник самовара, набирает воды, вновь подбегает к юноше и выпускает ему в лицо струю кипятка.

Юноша: А–а–а! Лицо прожёт, идиот!

Женщина: Сашенька... Сеня, ты что наделал?

Юноша скулит, закрывает лицо руками. Сеня отходит подальше от стола.

Женщина: Нет, как я посмотрю, надо этого пендюха обратно в деревню услать... Сашенька, ну что там у тебя, покажи... Больно?

Юноша: Да как же не больно, если кипятком... (Открывает лицо).

Женщина: Ну, ничего, ничего... Так, покраснело слегка, зато припадок сбили... А Сеню этого я сегодня же в деревню отправлю, пусть с мужиками траву косит!..

Юноша: Никуда его не надо отправлять!.. Мне ведь... впечатления нужны, я... ведь... поэт как никак! Вон, мои стихи уже в альманахе опубликовали, а вы даже выписать мне не можете альманах этот, я, может, и не увижу стихов–то своих, так, чтоб в альманахе... А вы отправить его хотите, ведь это вы ему сказали, кипятком меня опрыскать, вот он и опрыскал!

Женщина: Сашенька... Так ведь я же, как лучше... А альманах тебе привезёт... ммм... друг твой по переписке, ты забыл, что–ли, он же сегодня приезжает к нам знакомиться, он ведь тебя гением считает... Я ему всё писала: приезжайте да приезжайте, – вот он и приедет сегодня, и альманах он обещал привезти, я его, в основном, из-за этого и позвала... а Сене я сказала водой в тебя сбрызнуть, а не кипятком, а он, дурак без башни, кипятка из самовара набрал, я ещё подумала, чего он кипятком набирает, не понимает, что ли, что он горячий... для чаю согретый... Мужики, они ведь, знаешь, чаем что называют – компот холодный! (Смеётся).

Юноша также принимается хохотать, Сеня, насупившись, молчит.

Женщина: Я, недавно, из города когда приехала, – дай, думаю, пройду со станции пешком... Когда уже к деревне подходила, – так пить захотелось, – захожу в избу, там мужики... обедают! Я им говорю, – дайте-ка, любезные, попить, а они мне, – хотите, барышня, чаю, говорят! Я ещё удивилась, – как так, – у этих убогих и тоже чай есть?! Хочу, говорю, а саму трясёт, аж, от злости! Приносят, – и что ж ты думаешь?! Это обычный компот, холодный, вишнёвый! Они компот чаем называют!.. Я хоть успокоилась, а то думаю, как же так, – если они тоже чай пьют, с заваркой! Где тогда граница между нами?!

Юноша (успокаиваясь): А что, Борис разве сегодня приедет?

Женщина: Какой Борис?

Юноша: Николаевич!

Женщина: Николаевич?

Юноша: Ну вы же сами только что сказали – друг по переписке приедет,.. сказали ведь!

Женщина: Ну сказала, сказала... Но он, Сашенька, не Борис, он – Андрей. Ты разве забыл, мы в книжке его видели, а потом, когда он написал тебе, мы и в письме прочитали – “твой Андрей”. Андрей он, а не Борис, Андрей... И приезжает он сегодня, в письме его месяц назад писано: “приезжаю 19–го”. А сегодня как раз 19–ое.

Юноша: Да, вроде 19–ое... Только Андрей, мама, это его псевдоним, а зовут его Борис, понимаешь, Боря... Сегодня приезжает?

Женщина: Сегодня...

Юноша: Интересно... посмотрим, что из себя представляет человек с таким нелепым именем... Я, если б ты меня так назвала, я бы, вообще, наверное, удавился бы ещё в детстве... а он просто псевдоним себе придумал – “Андрей”...

Женщина: Да что ты такое говоришь, Сашенька! Я никогда тебя и не думала так называть... Твоего папу звали Александром, вот, и он очень, знаешь, кичился своим именем... Когда нас представляли друг другу, он прямо так мне и говорит, свысока так, запрокинув голову – “А–лек–сан–др” – как будто он один только на всём свете Александр... как будто других Александров нету... И когда, там, на танцах или ещё где рядом со мною оказывался какой–нибудь другой Александр, так он прямо кипел весь, дрожал и, знаешь, свистел прямо... А потом уж, когда ты родился, а он в отъезде был, я думаю, ну я тебе ужогу, Александр, – сына твоего Александром назову... А он тогда в Европу уехал, а как приехал, всё, – поздно, – другой Александр тут как тут... Так что ты у нас Александр Александрович!

Юноша: Это что же, мама, вы меня в отместку папе назвали?! А я–то всё думал, что в честь Пушкина... и как бы это символ... что и я поэтом, значит, сделаюсь, а тут вот как?! Что же я мучаюсь, лирика всё из себя изображаю... а так выходит – всё это в отместку папе! Я ведь уже сам – фобией своей стал, ко мне, вон, доктор должен приехать... Да надо мной вся Россия смеяться будет!

Женщина: Сашенька, я тебе вот что скажу (задумывается)... я тебя так назвала... понимаешь... так на свете все дела так–то и делаются – сначала всё как бы в отместку папе, а потом оказывается, что ты человеком стал, да... А смеяться над тобой только дураки будут, а умные будут тебя любить и уважать... Вот Андрей как писал, вспомни, что твои стихи всем в Москве понравились, когда он их декламировал,.. что тебя этот, как его, ну, в общем, главный у них...

Юноша: Брюсов, что–ли?..

Женщина: Да, Брюсов, – он тебя первым поэтом назвал, а! Какой умный человек!

Юноша: Да, умный... Только, говорят, у него от этого ума тоже разные фобии развиваются...

Женщина: Какие?

Юноша: Он зеркал боится... не может в зеркало смотреться, – боится, что его туда другой он утащит и на его место выйдет...

Женщина: О, чушь какая! Там никого нет, в зеркале! Это как он, и причёску поправить не может?

Юноша: Говорят, не может... и очень от этого страдает... Все, все талантливые люди страдают!

Женщина: А ты как хотел?! Ты же с детства ничего тяжелее стулы не поднимал! Так оно всегда, – от одного убыло, к другому прибыло, и наоборот!

Юноша: То есть, вы хотите сказать, что от меня что-то убыло, да?! Вы опять мне несчастье хотите напророчить, мало вам моих страданий!

Женщина: Да, что же это, Сашенька, ну, успокойся! Ну, кто тебе что хочет?

Юноша: Вы!

Женщина: Я?

Юноша: Вы! Вы! Вы!

Женщина: Да, я же кроме, добра...

Юноша: Да, а Сеню отослать хотите! А мне впечатления нужны!

Женщина: Так кто же против...

Юноша: Вы! Вы! Вы!

Женщина: Так я же не просто так его отослать хочу, – он же... (понижает голос, так, чтобы Сеня не услышал её слов) я ночью видела... Сеня-то наш, – платье женское надевает и бродит вокруг усадьбы... и знаешь, так странно, – он не по прямой ходит, а вихляет... и платье белое в темноте светится!

Юноша: Вихляет?

Женщина: Да...

Юноша: А вы, что ж, – слежку за ним устраиваете?

Женщина: Нет, я просто... я сначала думала, он у меня платье берёт, к шифанере кинулась, – всё на месте... странно, да?... Где он тогда платье берёт?... Лучше бы его отослать...

Юноша: Лучше всего, чтобы каждый занимался своими делами!

Женщина: Мне кажется, я как раз занимаюсь своими делами...

Юноша: Да! Сами говорите, чтобы я ничего не боялся, и тут же меня Сеней пугаете! А вы ведь как раз для другого мне нужны!

Женщина: Для чего?

Юноша: Вы, мама, нужны для порядка,.. для правдоподобия, а то ведь я так и забуду, кто я, и где я... Шахматово,.. завтраки, булочки,.. вы... – без этого всего мне никак нельзя... а, главное, вы не должны сбивать моего вдохновения, чтобы я мог зреть свою Прекрасную Даму! А вы не должны мне мешать!

Женщина: Ты что же, Сашенька, стихи пишешь... не про меня?

Юноша: Да, мама, не про вас! Вы у нас за столом... – а стихи у меня вон где... (показывает вдаль)... в шорохах белого платья... в закоулках... в полутьме...

Женщина: Я, Сашенька, думала, что твои стихи... всё-же как-то ко мне больше подходят... У меня есть одно белое платье, я его купила на Якиманке, никогда бы не подумала, что там могут продавать такое чудо, и знаешь, за сколько я его купила? Ну, угадай, угадай, – ни за что не поверишь!

Юноша при этих словах начинает выть.

Женщина: Гулять тебе надо, Саша, гулять... Гулять и уставать...

Юноша: А если просто уставать... не гуляя...

Женщина: Как?

Юноша: Ну, вот, например, лежать на диване и уставать!

Женщина: Не знаю, чем таким можно заниматься на диване, чтобы уставать! Это уже будет не лечение, а надувательство!

Юноша: Ну, а вы, мама, вы – не надувательство что-ли?

Женщина: Нет, Сашенька, я не надувательство, ведь я всё ж таки дама, а? Мама – дама, сын – поэт... мне всё же кажется, ты лукавишь, не хочешь сознаваться о твоём истинном вдохновении...

Юноша: Не хочу!

Женщина: Ну, видишь, как мы с тобой друг друга хорошо понимаем...

Юноша: Да, понимаем, – а ведь в стихах всё непонятно должно быть,.. безо всякой конкретики...

Женщина: Непонятно?.. А ты тогда напиши про мой сон!

Юноша: Про сон?

Женщина: Ну да, про мой сон... что я записала для тебя – ты ведь сам сказал, что там всё непонятно,.. так почему бы тебе не написать? Тут ведь можно и без конкретики обойтись, тут, видишь, главное – кобыла...

Юноша: Ну, понимаете, я ведь не видел сам этот сон... кобылу эту... Как же я её опишу?..

Женщина: Так я же тебе говорю, что я была той кобылой, ты с меня и пиши!

Юноша: Но сейчас–то, мама, вы не кобыла...

Женщина: Дай матери возможность побыть твоим вдохновением!..

Юноша: Ой, мама, вы если уж не Прекрасной Дамой, так хотя бы кобылой хотите в мою поэзию влезть...

Тут на веранду вбегают мужчина и начинает как–то странно выхаживать прямо перед юношей и женщиной. Выхаживая, мужчина сильно вытягивает вперёд свою грушевидную голову и шею, а спину и таз – что есть силы – оттопыривает назад. При этом мужчина то и дело бьёт правой ногой – словно копытом – о деревянный пол веранды, раздувает ноздри, выкатывает глаза и по–звериному порывается. Мужчина одет в очень тесный, не по размеру, костюмчик в крупную клетку; в руках он держит большой и потёртый кожаный чемодан. Волос на его голове мало, и те, что есть, сильно взъерошены. Все присутствующие на веранде с удивлением – а кое–кто и с ужасом – поглядывают на мужчину.

Женщина: Это что же такое?..

Мужчина (продолжая выхаживать): Ах, ну не сидите же – вставайте! Будемте вместе галопировать!

Юноша (испуганно): Вы конь?..

Мужчина: Сами вы кони! (Останавливается, опускает чемодан на пол, подходит к столу, усаживается напротив юноши). Это же был кентавр, кент–а–а–вр – понимаете, он примчался сюда с надеждой найти понимание, а вы сидите и ничего не понимаете... (Наливает себе чаю, пьёт).

Сеня: Ну почему же, я понял...

Юноша и женщина оборачиваются к Сене, долго смотрят на него, молчат. Лицо Сени начинает покрываться ярко–красным румянцем, он нервничает, громко сопит, вертит

гловой из стороны в сторону, стараясь укрыть лицо за длинными мандариновыми волосами.

Женщина (после долгой паузы): Кентавры, насколько я знаю, согласно современным научным изысканиям, давно уже вымерли, поэтому, собственно говоря, мы и хотели бы знать, что привело вас в наш дом?.. Мы тут сидим у себя, беседуем, а тут такое!

Мужчина: Ну вот всегда так! Мне ведь и Валерий Яковлевич говорит, – что ты всё о кентаврах пишешь, они же, говорит, повымирили давно, а может, говорит, их и не было никогда, а ты пишешь!

Юноша: И правда, кентавров, может, и не было никогда – обычно, кто были, те при раскопках обнаруживаются, а кентавров там нет...

Мужчина (обмакивая булочку в мёд и заглатывая её целиком): Да какая разница... были они... или... не были! Разве в этом дело!

Женщина: А в чём же, позвольте...

Мужчина: Вот и Валерий Яковлевич к этому подводит всегда – в чём же, говорит, дело, раз не в этом? А я ему говорю – вы что же, говорю, думаете, что Руслан и Людмила были, что ли?

Юноша: Руслан и Людмила?..

Мужчина: Ну да! Их ведь тоже не было, а никто про них почему–то не интересуется... ну, в смысле экзистенции! Об кентаврах задумываются, а про Руслана и Людмилу – нет!

Женщина: Это вы какую Людмилу имеете в виду?

Мужчина жуёт, далеко разводя друг от друга верхнюю и нижнюю челюсти и бросая в женщину и в юношу отчаянно–недоверчивые взгляды, – кажется, что в эти мгновения он пытается понять, в каком качестве его рассматривают люди, которых он принял за благородных хозяев усадьбы – в качестве идиота или – хуже того...

Сеня: Они, по всему видать, из Пушкина цитируют, из поэмы его – “Руслан и Людмила”. Это та Людмила и есть.

Женщина: Ах, из поэмы... ну да... Из поэмы?

Юноша: Да, да, что-то такое, я помнится,.. у... Пушкина...

Мужчина: Да... у Пушкина, у Пушкина... (Щурится, поочерёдно всматриваясь то в юношу, то в женщину). Да что Пушкин,.. Пушкин хоть дал нам всем... очень много... в смысле, язык дал... на котором у нас все разговоры и разговариваются... а что мы без языка бы

делали... давно бы уже глаза друг другу повыкалывали... Хотя, я слышал, учёные недавно обнаружили, что обезьяны, в принципе, тоже могут говорить, у них всё для этого имеется, там, аппарат речевой, но они таятся, притворяются, что не умеют говорить, а? Хитрые какие! Молчат, и всё тут! Люди, дураки наивные, сразу бросились говорить, а обезьяны затаились... Не к добру это... Люди вот возьмут, да и всё выболтают, и сказать им будет уже нечего, а обезьяны ещё и не начинали говорить... Вот тогда посмотрим, – за кем последнее слово будет!.. М–да... А вот взять того же Достоевского, – я говорю, Валерий Яковлевич, а ведь вот у Достоевского, положим, писано про Раскольникова...

Юноша: Да, да, это точно, про Раскольникова – писано!

Мужчина: И, я говорю, что же вы думаете, Раскольников, что–ли, был?

Женщина: Как... то есть... Неужели?...

Мужчина: Не вопрос, – не было... Не было! Так вот – никого не было! А чем же кентавры хуже?! Ни Печорина, ни Обломова – не было, даже Анны Карениной не было, но ведь никто же не упрекает Толстого, что, мол, как же вы, Лев... Лев... в общем, Лев, как же вы пишете про тех, которых и пальцем–то нельзя пощупать, что же это вы, ай–ай–ай! А мне, говорю, Валерий Яковлевич, и вы, и другие всё выговариваете, что, мол, как же так!

Женщина: Ну тут, видите ли, в чём дело... я так думаю... что, положим, Каренина, или тот же... мм...

Юноша: Тарас Бульба!

Женщина: Да, правильно, Тарас Бульба, – они же ведь все как бы люди, понимаете, и то, что про них написано, так похоже на людскую вообще жизнь... А кентавры – что же это такое, это ведь какие–то существа... с хвостами... И жизнь у них – ну что это за жизнь, траву они щиплют, или, там, овёс жуют, это же ведь не по–человечески?.. Вот и кажется, что те были, а этих нет...

Мужчина: Да поймите же, что Анна Каренина... никогда не появлялась в мире людей и никакой человеческой жизни она не вела – как и кентавры... не появлялись... и траву не щипали... – они все из головы взялись – да!.. из воображения – вот, понимаете,.. – и что кентавр, что Анна – один хр... ну, то есть, суть одна... Вот я, к примеру, про кентавров у Гомера прочитал... Я надеюсь, вы...

Мужчина, забрасывая брови на самую середину лба, тарашится на своих собеседников, те, не понимая, чего он от них хочет, напряжённо молчат.

Мужчина: Надеюсь... Гомера вы... держали... в руках...

Юноша: А что, достойный писатель?..

Мужчина: Ну конечно! Он великан! Гигант! Он возвышается над эпохами и поёт свою великую песнь о жизни, хотя, в принципе, он ничего не видит,.. а мы стоим внизу, и до нас только обрывки долетают...

Женщина: Странно, но до меня вообще ничего не долетает, хотя слух у меня музыкальный...

Юноша: А до меня долетает... Я постоянно что-нибудь такое слышу, голоса какие-то, всхлипы, или просто так: “тук-тук”, “тук-тук”... будто стучит кто... А ещё шёпотом будто меня зовут... окликают – Александр... Александрович...

Мужчина: Это не Гомер, не его слог.

Юноша: Нет?

Мужчина: Нет.

Сеня: Это я... Вы же сами просите, а потом забываете,.. а Гомера мы под кровать вам подкладываем.

Мужчина: То есть как?

Сеня: Ножка там сломана, и кровать западает...

Юноша: А, ну точно, книга эта, как её, “Гомер. Одиссея.”, толстющая, в переводе и в переплёте, да, она у нас, как подпорка, службу нам служит... Да, да, да, “Одиссея”, ну как же, известный роман, и что, вы говорите, вам по душе?..

Мужчина: Да-а-а... по душе прямо...

Женщина: Да что уж вы, будто сами чего-нибудь такого не отчебучивали... – книгами, бывает, и помещения отапливают, когда в них холодно...

Мужчина: Книгами сердца нужно отапливать...

Женщина: Ну, в фигуральном смысле – конечно же...

Мужчина: Да знаете что, бросьте вы эти ваши мещанские словечки... в задницу... Книги – это топливо для сердца, для души, – и причём в прямом смысле, слышите, в прямом! Хорошей книгой, как впрочем и картиной какого-нибудь Пикассо, или, там, постановкой... Станиславского надо только правильно воспользоваться, понимаете, и тогда в душе можно такую химическую реакцию запустить, что её энергии хватит на то, чтобы исчезнуть здесь, и появиться там...

Женщина: Где это там?

Мужчина: Ну я не знаю... Каждый, по всей видимости, окажется в своём месте... Я вот очутился там – где Гомер кентавров гонял! (Хохочет). А вас, может, застукают с таинственной Незнакомкой... где-нибудь в Америке, на страусиной ферме... Вы знаете, в Америке разводят страусов, как у нас коз... (Хохочет ещё сильнее).

Женщина: Так... Положим, с Гомером мы разобрались, а вы...

Мужчина: Ну я вам и говорю, что как только я у Гомера то место про кентавров прочитал... прочитал так, отревнившись от всего-всего,.. так сразу будто проснулся, и гляжу, что я не на Арбате, а в стаде...

Юноша: В каком стаде?

Мужчина: В стаде кентавров, и сам я кентавр... И как припустил, и всё стадо за мной... И так мы неслись и неслись, потом устали, легли, я заснул и во сне кентавра снова на Арбате очутился, гляжу – папа карандаши ломает, мама Шопена на фортепиано... – а я вслух что-то такое выкрикиваю... что-то поэтическое... А потом папа подскользил ко мне, он по дому всегда скользит – пол у нас гладкий, а папа математик, так он подскользил и говорит: “Борис, – говорит, – а Борис?”, “Что”, – говорю, “Слазь с печи!” – говорит, захохотал и ускользнул. А я думаю, с какой печи, ну где он здесь печь увидел, а? И как мне с неё слезть?.. А потом думаю, эге, думаю, мне уже с этой печи вовек не слезть...

Юноша: А так вы... Борис!

Женщина: Пойдите, дайте я на вас... ну право же, в книге портрет, с глазами такой, да как же я сразу-то не признала, ведь полное сходство, а, – Андрей, ну точно Андрей!

Мужчина: Да, я он и есть, очень рад, позвольте выразить это в чувствах...

Мужчина встаёт, подходит к женщине, целует её руку, затем подходит к юноше, тот поднимается, мужчина прижимает его к себе, обнимает, наконец, подходит к Сене, целует его – Сеня смущённо отстраняется от мужчины, испуганно смотрит на юношу.

Мужчина: Так вот я так и живу теперь – то на Арбате, или, там, на Невском, когда в Петербург приезжаю, – а то в стаде, среди кентавров, когда просыпаюсь от этой жизни... А сейчас вот к вам приехал, знакомиться... Так на меня Гомер повлиял... Это ведь, знаете, как: живёшь себе, живёшь, люди вокруг тебя какие-то ходят, говорят тебе что-то, а ты не знаешь, кто ты, что ты, и вдруг, глядь, и в тебя попало слово какого-нибудь эфиопа, там, или грека, – долетело до тебя, пущенное через века и расстояния, и ты сам стал этим словом, и растёшь, как слово, и живёшь, как слово, которому нет ни начала, ни конца, а на людей, что рядом и на жизнь их вонючую тебе просто насрать...

Женщина: А мы вас ждали, всё думали, вот приедет Андрей, мы будем сидеть вместе, на веранде, пить чай и что-то ещё такое... в этом роде.

Мужчина: Да... А я думаю, дай-ка я вам покажу, как кентавры отплясывают... Ведь вот кто вам ещё такое покажет?..

Женщина: Очень у вас натурально вышло, как наяву, прямо...

Мужчина: Правда? А я уже и по Невскому так пробежался, галопом... Со мной и другие литераторы были... Нас ещё жандармы преследовали, знаете, баргамоты этикие... (Смеётся).

Женщина: А что же вы Сашеньку не взяли? Он ведь тоже литератор... и тоже... развеялся бы...

Мужчина: Так мы ещё развеемся, погодите! Меня ведь что прислали-то...

Юноша: Я так думаю, альманах мне передать... со стихами... моего сочинения.

Мужчина: Альманах?.. Ну-да, хотя... там, вообще-то, в основном, мои стихи... Он у меня в чемодане, на дне... как знаете, у одного драматурга все герои в пьесе тоже – на дне (смеётся)... пузыри пускают вместо слов... так у меня альманах ваш – там же... потом разберу...

Женщина: Может, посмотрим сейчас,.. а то, бывает, в чемодане всё изменётся, так что потом не разберёшь ничего... – где стихи, а где мыло... а нам бы хотелось друзьям показать, приличным людям...

Мужчина: Да что вы, я ведь вам говорю, там в пол-альманаха мои стихи, а после них одно ваше, я, где мои стихи есть, не мну такие издания, потому что мягое как-то нехорошо выглядит.

Юноша (нервно): Да...

Мужчина: Так, о чём же я... А, ну, вот, Валерий Яковлевич мне и говорит, альманах-то, говорит, ты вручи при случае, пусть, мол, они там увидят, как мы их пропечатали в шрифте, так что, говорит, ни от какого Фета не отличить, по такому же разряду, но, главное, говорит, ты посмотри, что за такая Прекрасная Дама у них там водится, потому как, говорит, у этих слов должен быть прототип, и он нам очень нужен!

Юноша: Какой ещё прототип? Что за подозрения... право? (Украдкой поглядывает на Сенью).

Мужчина: Это не подозрения, это похвала... из уст мэтра! Валерий Яковлевич всегда видит, где правда чувства, а где так, шушляйство одно...

Женщина: Значит, вы говорите, непременно должен быть прототип?

Мужчина: Да это не я говорю, это Валерий Яковлевич говорит: “Должен быть”.

Женщина: А зачем он вашему Валерию Яковлевичу нужен?

Мужчина: Да не ему он нужен, ну, то есть, не ему одному, – я ведь вам объясняю, он всем нам нужен, всем, чтобы... нас признали... и памятники чтобы нам по всей России, да не какие-нибудь там... как, знаете, бывает... а из чугуна и стали нержавеющей,.. и чтобы в каждом городе... А то вокруг ведь только и говорят, что, мол, нынешние–то поэты пишут как–то всё так, всё о том, чего нет... так что извините, мол, и не надейтесь... на признание заслуг... Ведь вот даже и вы сами мне сказали, что, мол, насчёт кентавров–то, и всего такого... сомнения имеются... А мы возьмём, да и предъявим, – глядите, вот оно, есть... Тогда все уважать нас будут, скажут, – да, это настоящие поэты, как Пушкин... Потому как и у них есть свой, так сказать, идеал,.. своя Наталья Николаевна...

Юноша: А чего вы им своих прототипов не предъявите?

Мужчина: Так я же вам говорю, в моих – не верит никто, а когда я их так изображаю, ну, самолично, – все смеются только, или пугаются... Ну вы же сами видели... Так что без вашей Дамы нам никак не обойтись.

Юноша: Видите ли, как бы вам сказать... Вот у вас свои порывы, а у меня – свои, и Дама, там, ну, если иметь её не в виду поэзии, а, скажем, как бы, в обиходе что–ли, в окружении, в общем, это вовсе и не... дама... а... ну, в общем, нет тут никакой Дамы!

Мужчина: То есть как нет! Не может быть! Мы все питали надежды, Валерий Яковлевич, так он прямо решил – это, раскрутить вас по всей России,.. показать, что есть, мол, такой поэтище, и он всем ещё вам даст... даму – ждите, мол, а вы говорите – нет, а ведь вам без Дамы нельзя, без Дамы вам Валерий Яковлевич никакой рекламы не сделает, а если уж он не окажет вам этаких услуг, то вам про себя лучше забыть, это, ладно ещё я прозу могу писать, романы, там, и то они у меня на стихи похожи, или уж, в крайнем случае, папа меня в математику пристроит, а вы тогда как будете?

Женщина: Да есть эта самая ваша Дама, есть она – чего вы его слушаете! Сашенька смутился просто, ну поймите же сами – это ведь не кентавр, чтоб её всем показывать... – поэтому он и пошутил в том смысле, что её нет.

Мужчина: А, так значит, вы пошутили?

Юноша: Пошутил?..

Женщина: Ну конечно, пошутил.

Мужчина: Ах, ну я же вам говорю, что Валерия Яковлевича не проведёшь... Ну так где же она, не пора ли уже и представить её во всей... ну... или... пока не во всей... наготе?..

Женщина: Видите ли, Андрюшенька... ой, а вас как в детстве маменька–папенька называли, уж не Андрюшенька ли? Я бы что–то бы немецкое бы придумала бы для вас, конечно, у меня ведь фантазия, ну, там, Рюшенька, или просто – Рюша...

Мужчина: Да я, честно говоря, что–то не припомню... Вот разве папа, так он мне придумал название “Сироб”...

Женщина: Это что же означает?

Юноша: Это, мама, Борис наоборот.

Женщина: А...

Мужчина: Так как же насчёт Дамы?

Женщина: Ах, да... Она, в принципе, живёт не с нами...

Мужчина: Не с вами? Почему... это..?

Женщина: Они с Сашенькой ещё не в тех отношениях, и у неё своё отчее семейство имеется.

Мужчина: Ага... вот оно что...

Женщина: Но мы вам её предъявим, потому как это семейство проживает тут, поблизости, и вы увидите, что у нас есть Дама...

Мужчина: Очень хорошо! То есть Дама у вас есть, но она как бы сама по себе...

Женщина: Нет, не сама по себе! Это наша Дама! И в Сашенькиных стихах это она и есть, просто их чувства не зашли ещё так далеко, чтобы ей здесь присутствовать. Но, я вам скажу по секрету (наклоняется к мужчине, произносит вполголоса) – на днях – зайдут, и вот тогда... (Многозначительно подмигивает мужчине).

Мужчина: Ага... (Отвечает женщине тем же подмигиванием). И когда же вы укажете мне на вашу Даму?..

Женщина: Мы навестим их вечером, они нас как раз к чаю ждать будут, с кексом, а тут мы и придём...с вами... А пока что вам надо отдохнуть с дороги, чемодан распаковать... Сеня, возьми чемодан и неси его наверх! (Сеня резко срывается с места, хватая чемодан, несёт его в дом).

Мужчина: Какой он у вас ловкий... Сеня...

Женщина: Да... а вы так прямо в дом входите... сами... и на второй этаж поднимайтесь, там ваша комната будет, с окном...

Мужчина: Ну что ж, очень рад знакомству и всем приятностям, которые меня ещё тут ожидают... А до вечера я, значит, могу располагать... временем?

Женщина: Конечно, можете, мы вас позовём, когда уже будет пора, так что ни о чём таком не думайте, а просто сидите себе – у нас больше и заняться–то нечем.

Мужчина встаёт из-за стола, берёт чемодан, направляется внутрь дома.

Женщина: Андрюшенька...

Мужчина: Да?

Женщина поднимается, подходит к мужчине.

Женщина: Я всё о Даме... Тут вот вы сказали – должен быть идеал,.. в своём роде – Наталья Николаевна...

Мужчина: Да.

Женщина: Видите ли, нашу Даму, скорее всего по недосмотру, назвали другим именем, так что она не Наталья Николаевна...

Мужчина: Нет?

Женщина: Нет.

Мужчина: Ну что ж делать, главное, что она – дама, а дамских–то имён сколько – тыща, наверное?

Женщина: Не меньше!

Мужчина: Ну вот ей и подобрали из них что–то такое...

Женщина: Да, именно из них... Из тысячи – одно.

Мужчина: Хорошо хоть не из других выбрали, а из этих, а то бы вы тут с Сашкой–то, вообще, в лужу бы сели... (Хохочет). А так, я думаю, Валерий Яковлевич скажет: “Ничего, сойдёт...”.

Женщина: Ну спасибо, Андрюшенька, я теперь совсем успокоилась... Да... и, Андрюшенька, а вот этот ваш, Валерий Яковлевич...

Мужчина: Брюсов?!

Женщина: Ах, так он и есть Брюсов, это который зеркал боится?

Мужчина: И зеркал боится, и по мосту не ходит, а в Петербурге это очень хлопотная фобия – приходится в обход ходить, иногда по несколько километров!

Женщина: А он что, и вправду, может по всей России раскрутить, и так, чтобы памятники поставили?

Мужчина: Ещё как может, он же нас всех собрал, собрал, объединил и сказал, что делать, чтобы ничего не делать... в смысле, – искать! Как аргонавты, – за золотым руном! И с прыжком, и с прыжком, раз-з-з – два – три! Раз-з-з – два – три! Раз-з-з – два – три!

Мужчина скачет в дом; женщина возвращается к столу, усаживается на своё место.

Юноша: Вы, мама, теперь, наверняка, чувствуете себя счастливой?

Женщина: Ну, пока ещё не вполне... А что такое, Сашенька, я что-то не разберу твоего настроения...

Юноша: Да причём тут настроение, вы ведь только что меня лишили всего... можно сказать... словами своими, словно бритвой острой, кожу с меня содрали и развесили сушиться, как простыню полинялую, чтоб все смотрели – вот, мол, висит такое что-то... Как же мне только стерпеть-то всё это?..

Женщина: Да ты что запричитал, Сашенька, что тебе почудилось – вот же ты сидишь весь в коже... и простыней-то полинялых у нас отродясь не бывало...

Юноша: Ну, мама, вы не притворяйтесь юродивой, будто я какой чудак... Вы понаплели тут сиропу этому про даму, а сами знаете, что никакой дамы у нас нет... и быть не может. Он теперь проснётся к вечеру, или ещё что с ним случится нехорошее, – а вы ему что скажете?.. Я от этого от всего спрячусь... запрусь где-нибудь... и вы ко мне даже не подходите... А только знайте, что вы сегодня не дали мне стать поэтом!

Женщина: Да я дала тебе, Сашенька, всё я тебе дала! Вот артист, а... Ну ты послушай меня, послушай – тут, неподалёку, в Боблове, живёт один... один, ну, то есть, не один – с дочерью живёт, ну, в общем, Дмитрий Иванович... Его ещё папенька мой, а твой дед знал, по университету... Этот Дмитрий Иванович по части химии выдумал какую-то важную таблицу, и папенька рассказывал нам с маменькой, что эту таблицу так по его имени и назвали – Дмитрий Иванович, а потом у нас ты родился, и мы назвали тебя Сашенькой, а Дмитрий Иванович в тот же день сообщил, что у него дочь родилась, и её назвали Любовь Дмитриевна... И уже когда мы сюда стали ездить и жить здесь, папенька нам всё говорил, что рядом, в Боблове, живут Дмитрий Иванович с Любовью Дмитриевной...

Юноша: Я, мама, не понимаю вас, вы зачем всё это сейчас мне рассказываете, я, можно сказать, стараюсь уже забыть, кто я такой, чтоб мне не обидно было дальше жить, а вы мне про папеньку вашего откровенничаете...

Женщина: Да не про папеньку вовсе! Я тебе про Дмитрия Ивановича и про дочь его говорю! Про химика!

Юноша: Меня, мама, этот род занятий ну никак не влечёт, так что можете не утешать меня...

Женщина: Тебе, Сашенька, стыдно должно быть – ведь ты сам с этой дамой впросак попал...

Юноша: Так кто же знал, что её Валерий Яковлевич затребует?!

Женщина: А раз он её затребовал, так ты ему её и подсунь!

Юноша: Да я бы подсунул! Что я – подсовывать не умею, но ведь нет её – нет...

Женщина: Ну как же нет, я ведь говорю тебе – тут неподалёку химик живёт с дочерью... Дмитрий Иванович...

Юноша: Дмитрий Иванович?..

Женщина: Да, и Любовь Дмитриевна...

Юноша: Любовь Дмитриевна?

Женщина: Ну да! Её–то мы дамой и сделаем, на время, – пока Андрей, не уедет...

Юноша: Как же мы её сделаем?..

Женщина: Ты вот что, сиди тут, ну, как бы на солнышке, Андрея карауль, а я побегу в Боблово... Я с Дмитрием Ивановичем обо всём сама сговорюсь... и с Любовью Дмитриевной... И будет у нас к вечеру твоя Прекрасная Дама!

Юноша: К вечеру?

Женщина: Ну пока я туда, потом обратно, а потом уж мы все туда – как раз вечер и будет, а что – вечером любая дама прекрасной может показаться, так что в самый раз! Ну, гляди тут, Сашенька, ненадолго я тебя оставляю одного... для тебя всё делаю!

Юноша: Мама, вы меня простите... Я вас здесь ждать буду, с места не сойду!

Сцена вторая.

Боблово. Большой каменный дом. Комната, служащая кабинетом хозяину дома. В комнате – строгий, из тёмного дерева диван, узкий прямоугольный стол, стул с высокой спинкой и сидящими низко подлокотниками; на полу – мягкий, с вьющейся шерстью ковёр, на стене – огромных размеров таблица химических элементов. Хозяин дома – Дмитрий Иванович – сидит на стуле посреди комнаты. На коленях он держит небольшой параллелепипедообразный каркас из железных прутьев, вокруг него, по всему ковру, разбросаны разных размеров кожаные пластины. На свешивающихся со стула ногах Дмитрия Ивановича болтаются позолоченные восточные тапки с загнутыми кверху носками, тапки то и дело слетают с ног, – тогда Дмитрий Иванович тянется какой-нибудь ногой вниз, нащупывает тапок и надевает его... На ковре, среди пластин, ползает девушка в длинном модном платье; она подбирает то одну, то другую пластину, и протягивает её Дмитрию Ивановичу, – тот примеривает кожаную заготовку к железному каркасу, и всякий раз недовольно отбрасывает её.

Дмитрий Иванович: Не то всё Прохор прислал, не ту кожу,.. там ведь другая стопка была, что он на днях содрал...

Девушка: Не знаю, папенька, я ему говорю, меня Дмитрий Иванович за кожей прислали, за свежей, а он мне, на, говорит, тяни, и как бросит мне эту стопищу, я еле приняла...

Дмитрий Иванович: Нет, не то... Ну ты же видишь – не то! (Дмитрий Иванович опускает каркас на пол, поднимается со стула, подходит к столу, берёт с него журнал с глянцевой обложкой, подносит близко к глазам, изучает). Тут вот и в журнале, в указании, ясно написано: “Для изготовления прогулочного чемодана возьмите несколько пластин содранной недавно кожи. Примечание: Кожа, содранная давно, не подойдёт для изготовления прогулочного чемодана!”. Ясно же написано!

В комнату входит мужик деревенской наружности в сапогах и в белом халате. В одной руке он держит поднос, в другой – большую стеклянную колбу.

Мужик: Дмитрий Иванович, я извиняюсь...

Дмитрий Иванович: Чего тебе?..

Мужик: Тут к вам из Шахматова пожаловали...

Дмитрий Иванович: Кто такие?

Мужик: Женского складу... Сказали, по делу.

Дмитрий Иванович: По какому ещё такому делу... что у них в Шахматове могут быть за дела?

Мужик: Не изволили поведать...

Дмитрий Иванович: Уж не прослышали–ли они в Шахматове, что я на досуге чемоданы... ваяю? Может, они там ехать куда собрались, бросились укладываться, а чемодана–то у них и нет, вот их кто–то и надоумил, обратитесь, мол, в Боблово, к Дмитрию Ивановичу, он по таким делам смыслит...

Мужик: Тут на всю округу других таких умельцев нету... Да и во всей Расеи – вряд–ли сыщется!

Во время разговора Дмитрия Ивановича с мужиком девушка, всё так же сидя на ковре, перебирает и разглядывает кожаные пластины.

Дмитрий Иванович: Ну по России–то им где сыскать, Россия большая... а тут рядом... Сколько от нас до них будет?

Мужик: Так если пешком – часа три, а верхом – полдня.

Дмитрий Иванович: Это на чём же верхом, на тебе что–ли? (Смеётся). Как же, брат, такое может быть, что пешком быстрее, чем, положим, на кобыле?

Мужик: Вы, Димитрий Иванович, не беспокойтесь, я вам правду сообщаю, и вы ею смело можете попользоваться, если у вас какая нужда выйдет...

Дмитрий Иванович: Да какая у меня нужда может выйти? Удивляюсь я, прямо, твоим словам, ну какая?.. Это я так спросил, чтобы представление иметь...

Мужик: Ну вот вы тогда и представьте, что пешком можно через канаву пройтись, наискосок, а на кобыле в объезд придётся гнуть, потому как она канаву не перескочит...

Дмитрий Иванович: А, ну что ж, тогда конечно...

На пороге комнаты показывается женщина, в которой можно узнать мать Сашеньки.

Женщина: Ах, мне так неловко, но там, в прихожей, темно, а я в любом тёмном месте сразу же засыпаю,.. вот, и я попросила доложить о себе, а ответа всё нет и нет, и тут уж я, чтоб совсем не заснуть, решила войти... Дмитрий Иванович, я надеюсь, вы не станете меня избегать!..

Мужик: Это они и есть,.. из Шахматова.

Дмитрий Иванович: Ну что вы, что вы... Вот мне как раз докладывают, что вы пожаловали к нам... А не подскажите ли, кстати, сколько у вас заняла дорога?

Женщина: Да где-то часа полтора...

Дмитрий Иванович: Часа полтора?.. Уж не прилетели-ли вы к нам на воздушном шаре? (Смеётся). Шутка. Мне, видите ли, информацию тут подбросили, что нас с вами разделяют три часа пешего хода, или полдня верховой езды (с укоризной смотрит на мужика, тот краснеет и сопит)... так уж я не знаю, кому верить...

Женщина: Ну, что кем-то сказано, об том я думать не могу, а вот свои слова я самолично удостоверила, пока к вам добиралась,.. правда, добиралась я к вам не пешком, и не верхом,.. и даже не на воздушном шаре, а вплавь,.. то есть на лодке... Там у нас есть мужик, Митька, на пруду он всегда занят, так он меня перевез, а дальше я сама...

Дмитрий Иванович: Ах, вплавь... Ну надо же... (Мужику) Ты, брат, свободен...

Мужик уходит, бормоча себе под нос: “Вплавь... Придумают же, вплавь...”.

Дмитрий Иванович: А я бы вплавь ни за что не решился бы, потому как на водной глади меня оторопь берёт... Как подумаю, что там в воде рыбы сопят-задыхаются, так мне нехорошо делается... Ну как, скажите мне, в воде жить можно?! Ведь там дышать нечем! Что же это за жизнь, это мучение одно! У меня ведь у самого от таких мыслей дыхание перебивается,.. что, думаю, если и я сейчас не смогу вздохнуть... Ужас!

Женщина: Ох, Дмитрий Иванович, вы думаете, наша жизнь лучше? Да где уж там! Всё ведь нам кажется, что мы дышим привольно, а может, для кого-то это и не воздух вовсе, а что-то вроде глины, и он думает, ну как вот они там живут! А мы-то не думаем, – дурачки, одно слово...

Дмитрий Иванович: Та-а-ак... Мне сказали, что вы, собственно, по делу...

Женщина: По делу! Я по делу...

Дмитрий Иванович: Хорошо... Я надеюсь, Любаня нам не помешает?

Женщина: Любаня?..

Девушка (всё так же сидя на ковре): Я если вам мешаю, – я могу тогда по дому пойти прогуляться... Или вот за реакцией послежу! Это так увлекательно, что я и слышать-то ничего не буду! (Подбегает к столу, начинает возиться вокруг бурлящих пробирок).

Дмитрий Иванович: Это точно, – она когда чем увлечена, – ничего не слышит. (Резко вскрикивает, женщина пугается, девушка никак не реагирует). Вот видите! Но если вы нам не доверяете...

Женщина: Да нет же, я вам доверяю, тем более, она нам совсем не мешает! Даже наоборот, без неё у нас и дела бы никакого не было!

Дмитрий Иванович: Ну, тогда рассказывайте, что у вас за дело...

Женщина: Видите–ли...

Дмитрий Иванович: Надеюсь, это не связано с моим невинным, так сказать, увлечением,.. потому как не имею досуга вовсе, и... так сказать.

Женщина: С увлечением?.. Вы меня, Дмитрий Иванович, простите, но я не в курсе, что у вас за увлечение... Кто его знает, может моё к вам дело и связано с вашим увлечением, да даже и наверняка, но ведь я и сказать–то толком сейчас ничего не могу, потому как не имею понятия об этом вашем предмете...

Дмитрий Иванович: Да как же не имеете! Вся Россия имеет, в газетах об этом только и пишут, а вам... через пруд переплыть... а вы не имеете! Любаня, ты слышишь, они не имеют! Мы вот с Любаней всё время этим моим забавам отдаём, это для нас – работа, можно сказать, а вы не имеете!

Женщина: Ох, не кипятитесь, Дмитрий Иванович, я ведь всё же если чего и не имею, то быстро займётся могу... Вот было время, у меня мужа не было, так что – я его заимела, потом сына, потом ещё одного мужа, потом сервиз чайный – так–то! А ведь тоже мне говорили – она ничего не имеет, а вот же – глядь, и имею!.. А про ваши забавы одно могу сказать, – если про них в газетах распространяются, так это известно, что такое!.. В газетах у нас про одни забавы только и пишут, и, знаете ли, по всей России только и говорят про такое всё, а про другое ничего не говорят... про полезное...

Дмитрий Иванович (перебивает женщину): Так что же вас привело к нам, или – коль вы приплыли на лодке – прибило... (Смеётся). Ежели вам чемодан не нужен, – тогда что?..

Женщина: Какой чемодан?

Дмитрий Иванович: Кожаный. Мы с дочерью славные чемоданы делаем!

Женщина: Мне не нужен чемодан.

Дмитрий Иванович: А что же вам нужно?

Женщина: Мне дочь ваша нужна...

Дмитрий Иванович: Это зачем же она вам нужна? Или вы тоже заимели желание чемоданы делать?

Женщина: Да зачем мне чемоданы делать?! Мне если надо, – я пойду и куплю!.. Просто у меня сын... у вас дочь... захотелось, знаете, предложение вам сделать... Одно...

Дмитрий Иванович: А что, можно разве – два... предложения?..

Женщина: Да можно и три, но у нас одно.

Дмитрий Иванович: Хорошо, нас, в принципе, и одно устроит... Так вы говорите – ваш сын... – чем изволит заниматься?

Женщина: Мой сын – поэт!

Дмитрий Иванович: Это что ж такое?

Женщина: По части литературы... Стихи он пишет.

Дмитрий Иванович: Зачем?

Женщина: Чтоб читали!

Дмитрий Иванович: Кто?

Женщина: Все... Все чтоб читали...

Дмитрий Иванович: Так все у нас читать не умеют.

Женщина: Да что вы, Дмитрий Иванович,.. это вот всё чемоданы ваши... У нас ведь давно уже читать все обучены!

Дмитрий Иванович: Ну, у нас и говорить все обучены – да не все умеют...

Женщина: Как это?

Дмитрий Иванович: Ох, ну, положим, вот бывает нужно,.. очень нужно, чтобы человек что-то разумное сказал, потому как все ждут от него чего-то такого, надеются на него, а он как ляпнет какую-нибудь, понимаешь, лепёшку, и думаешь тогда – человек он, или кто?..

Женщина: Ваша правда, Дмитрий Иванович, – бывает такое! Вот сегодня, утром, мне надо было как раз сказать что-то... ну, прямо, очень умное сказать... там у нас, знаете, дискуссия вышла...

Дмитрий Иванович: Так что у вас за предложение?

Женщина: Ах, да... мы к вам с сыном приехать хотим.

Дмитрий Иванович: Так вы разве уже не приехали?

Женщина: Так сейчас я одна, без сына...

Дмитрий Иванович: Ну...

Женщина: А я хочу с сыном... вечером...

Дмитрий Иванович: А какая разница? Вы думаете, мы по вечерам другие? Точно такие же!

Женщина: Да нет же, я приехала договориться, чтобы вечером вы нас ждали...

Дмитрий Иванович: А... ничего не понимаю... приезжали бы сразу... какая разница, – ждали, не ждали...

Женщина: Сразу неудобно, тем более что с сыном ещё и друг его придет...

Дмитрий Иванович: Тоже с матерью?

Женщина: Нет, один...

Дмитрий Иванович: Это хорошо... А зачем?

Женщина: Что зачем?

Дмитрий Иванович: Зачем мы вам? То есть вы к нам?

Женщина: Мой сын к вашей дочери равнодушен. Но я так думаю, в свете того, что мне стало известно о ваших увлечениях, – вы, наверное, будете против её знакомства с молодыми людьми...

Дмитрий Иванович: Да нет же, как раз напротив! Она тут сидит взаперти... Я её уже сколько прошу: дочь, ну, сходи же ты куда-нибудь, развлекись, а она не хочет... Возится тут со мной, со старым, а я что, я-то своё уже нагулял, а где вот она про жизнь узнавать будет!.. Так что давайте, – я обеими руками за! Ведите кого угодно, – хоть сына, хоть его друга, а хоть всех вместе... Ей ведь надо преодолеть...

Женщина: Преодолеть... вы имеете в виду ваше увлечение?

Дмитрий Иванович: Да нет, при чём тут это?

Женщина: Ну, как же, – вы старый, а они молодые...

Дмитрий Иванович: Вот в этом-то всё и дело, – её, знаете, придурок один напугал... молодой... следил за ней, она полдня по городу блуждала, а за ней парень следил, –

приличный, хорошо одетый... а следил... Она так испугалась, что зачем вот так следить за девушкой...

Женщина: Может, за ней жандарм следил, может, она в кружке состоит...

Дмитрий Иванович: Состоит...

Женщина: Ну, вот видите, эти кружки, – там ведь они все на учёте у полиции...

Дмитрий Иванович: Да за что же?..

Женщина: Как за что, – за революцию! Они ведь там всех призывают к насилию...

Дмитрий Иванович: Да помилуйте! Это ж в каких кружках-то?

Женщина: В революционных!

Дмитрий Иванович: Ну а она-то в натур-философском состояла!

Женщина: А, вот как! А зачем же за ней тогда следили?

Дмитрий Иванович: Вот и она подумала, зачем? Подумала и испугалась, и теперь никуда не ходит...

Женщина: Да, лучше бы не задумывалась, – все эти фобии только тогда и возникают, когда задумываться начинаешь!

Дмитрий Иванович: Верно, очень верно, – я, когда думать начинаю, сразу спать ложусь, чтобы прошло! А она так-то не может!

Женщина: И всё же, наверное, за ней жандарм следил, какая разница, что она в натур-философском кружке состоит, – философ в России больше, чем философ! А кружки они все одинаковые... Вот мой Саша, – тоже однажды походил, поприбывал в одном таком кружке... в поэтическом... Так там все только свои стихи читали, представляете, – по цепочке, один за другим. Я-то думала, – там только Сашу читать будут, – ведь он один там из них настоящий поэт! Так нет, они и этого не оценили, что к ним в их кружок настоящий поэт ходит, – и каждый, каждый сосунок вставал и декламировал свои стихи, – мне Саша рассказывал...

Дмитрий Иванович: А что же, ваш Саша – хорош собою?

Женщина: Да, очень... Он похож на меня, от отца он мало взял, характер у него от отца вспыльчивый, а так, в основном...

Дмитрий Иванович: Ну, что ж приводите, приводите... вечером... Любаня, а что это аммиаком запахло? (К женщине). Вы не чувствуете?

Женщина: Селёдкой пахнет... такой, знаете, если её в уксусе замочить...

Дмитрий Иванович: Любаня, чего там у тебя?

Любонька: Да я ещё пару спиртовок к плюмбуму подставила, чтобы реакцию убыстрить!

Дмитрий Иванович: Ты это брось, Любаня, затуши, затуши, я кому сказал! И иди к нам от греха подальше!

Любаня подбегает к женщине и отцу.

Любонька: Всё, всё, всё...

Дмитрий Иванович: Прежде чем практикой баловаться, – ты поначалу теорией овладей!

Любонька: Я овладела!

Дмитрий Иванович: Да? Ну-ка, – пятая строка, третий период, – какой элемент по моей таблице?

Любонька (сразу, не задумываясь): Плюмбум!

Дмитрий Иванович: Да... ты больше к моему столу не подходи!

Женщина: Ну что ж, тогда мы часам к восьми?

Дмитрий Иванович: Да, пожалуйста, будем ждать...

Женщина: Только у меня к вам просьба, – вы уж будьте так любезны, – изобразите, что мы с вами давно знакомы... А особенно ваша Любаня с моим Сашей!

Дмитрий Иванович: Ха! А зачем вам это надо? Мы что с вами, – в ролевые игры играть будем? Зачем нам друг перед другом такое изображать?

Женщина: Да вовсе и не друг перед другом, а перед другом моего сына! Он с нами придёт, – я же вам говорила! Ну что же вы, как не знаю что?!

Дмитрий Иванович: Не знаю... Как же это, – на обман пойти придётся...

Женщина: Ну, это уже наглость! Ведь это, можно сказать, мы вам одолжение сделаем, если придём, – дочь вашу, с которой у вас сплошные проблемы, отвлечём от пагубных мыслей, избавим от комплексов!.. Или вы так и хотите, чтобы она с вами всю свою молодость чемоданы клеила тут, чемоданы!..

Дмитрий Иванович: Да, нет же, нет, – я ей только добра желаю! Да, Любаня?

Любонька: Да, только добра и желаете!

Женщина: Ну, вот, – мы вам одолжение делаем, а вы не можете нам на уступку пойти!

Дмитрий Иванович: Да мы пойдём, пойдём, изобразим всё в лучшем виде, и долгую дружбу, и всё такое... А зачем вам это надобно?

Женщина (в ярости): Ой!

Дмитрий Иванович: Нет, ну, мне чисто по-человечески интересно!

Женщина: Ну, как, ну, дело в том, что у моего Сашеньки... была девушка, вот, а сейчас они в ссоре, – она его бросила... Так вот, чтобы она не думала, что он переживает, мы и прикинемся, что у него другая есть, а друг этот, – он ведь и её друг, – он-то ей и скажет, что так, мол, и так, цыпочка, – умойся, у Сашеньки другая есть, а ты, – дура ты была набитая, что его бросила!

Дмитрий Иванович: Лучше б я не спрашивал!.. Делайте, что хотите, лишь бы это Любоньке пошло на пользу!

Женщина: Да уж ей, мне кажется, уже ничего не повредит, в таком-то её положении диком...

Дмитрий Иванович: Почему ж диком?..

Женщина: Ну, не знаю, – это ваши дела, семейные, – они меня не особо интересуют... Просто так сидеть сиднем и клеить... мне лично это кажется дико... и что она так наклеить себе собирается, если ни с кем не общаться?! Другие разве клеют дома в её возрасте? Какой в этом интерес, так, – дикость одна...

Вдруг комнату наполняет странный звук, похожий на шипение какой-то сковородки, которую поставили на огонь и забыли про неё.

Дмитрий Иванович: Ты что же, Любонька, ты спиртовки-то потушила?

Любонька: Ой, забыла...

Дмитрий Иванович (срываясь с места): Живо все вон, на улицу!

Дмитрий Иванович убегает, вслед за ним – женщина и Любонька.

Сцена третья.

Боблово. Веранда перед большим каменным домом. За столом сидят Дмитрий Иванович, Саша, Андрей, женщина – мать Саши. Люба держится на расстоянии от стола в дальнем углу веранды. Она периодически выглядывает оттуда на собравшихся, и в этот момент она очень напоминает волчонка, который зыркает из своей норки на злых охотников.

Дмитрий Иванович: Ещё раз прошу великодушно простить нас, господа, что не можем принять вас в доме, – у нас ремонт... сегодня затеяли... потолок новый делаем... и пол...

Женщина: Да, вот ерунда, – на воздухе-то оно лучше!

Андрей: Гораздо лучше! На воздухе ведь как можно выплясывать, хороводы водить! Господа, я вас попрошу, – ну, хотя бы пару кружков?

Дмитрий Иванович: А позвольте полюбопытствовать, из чего сделан ваш костюм?

Андрей (вытягивает вперёд ногу): А, пожалуйста, – любопытствуйте!

Дмитрий Иванович (трогает гетры, в которые одет Андрей; кстати, весь его костюм, в том числе и гетры, сделан из облегающей эластичной ткани в чёрно-красный ромбик): Это что ж за волокно?

Андрей: Синтетическое! Это я из Германии привёз!

Дмитрий Иванович: А что ваш костюм, в принципе, означает, – Арлекина?

Андрей: Ну, какая же я вам Арлекина?! Я – Красное Домино!

Дмитрий Иванович (гладит ногу Андрея): Очень интересный материал... А что ж, у нас таких не делают?

Андрей: Нет... не делают... из Германии приходится привозить...

Дмитрий Иванович: Я бы мог, если б вы мне предоставили образец, вычислить формулу...

Андрей: Ну, господа, ну, пожалуйста, ну, давайте, – ну, уж если не хоровод, то уж тогда вальс, – только все вместе! Ну, Дмитрий Иванович! (Вскакивает, хватая старика, начинает кружиться вместе с ним по веранде) А вы нам музыку, музыку создайте, Саша!

Саша: Да я не знаю... какую музыку... какую сейчас слушают?..

Женщина: Ой, а я недавно слышала, перепели этот романс... Лермонтовский! Помните (напевает): “Выхожу один я, та-та-та-та...” Помните? Только его сейчас убыстренно поют!

Андрей (всё также кружась): Давайте, давайте убыстренно!

Женщина: Но я слов не знаю!

Андрей: А вы так, – на губах!

Женщина начинает напевать какую-то непонятную мелодию, Андрей и Дмитрий Иванович кружатся по веранде.

Андрей: Саша! Саша! Давай к нам!

Саша: Да вот ещё!..

Андрей: Люба, давайте... все, давайте! (Подбегает к стоящему у края веранды мужику с подносом, который, видимо, прислуживал гостям, хватая его за руку, вовлекает в танец).

Женщина: Всё! У меня губы устали! (Замолкает).

Андрей отпускает Дмитрия Ивановича, тот валится на пол, Андрей подбегает к столу, пьёт, мужик продолжает по инерции кружиться.

Мужик (кружась, сам с собой, напевает): Пум-па-па, пум-па-па, пум-па-па, пум-па-па...

Андрей: Вот, господа, вот, – природа символа, природа всего символизма, вот, –смотрите! (Указывает всем на пляшущего мужика). Ведь в этом пум-па-па, ведь сколько смыслов, а ритмика, а ударение, – ведь всё не случайно! Смотрите, смотрите!

Дмитрий Иванович: Хватит, хватит, Фёдор! Уже всё!

Андрей: А чего вы его шпыняете, пусть себе танцует! Танцуй, Федя, ну-ка, – в присядку!

Федя радуется такому подначиванию со стороны Андрея, видимо, он давно уже хотел потанцевать или же просто не в меру весел, а, может, и то, и другое.

Андрей: Свободный, раздольный танец залог нашего национального и культурного развития, ведь как нация танцует, так она и живёт!

Федя пускается в психоделическую присядку, затем резко останавливается, делает какие-то непонятные па, как будто когда-то он участвовал в Дягилевских сезонах в Париже и теперь вспомнил об этом.

Андрей: Давай, Федя, давай! Нет, ну вы посмотрите, – что ни па, то символ!

Дмитрий Иванович: Да что вы всё со своими символами, – что вы имеете в виду? Я понимаю символ как нечто означающее, вот, допустим, в моей таблице, да? Купрум – это

медь, у меня и значок есть соответствующий, то есть символ меди... Но какое отношение к символу может иметь вот этот Федька?!

Андрей: Да самое прямое, – ведь сколько у него в голове мыслей, сколько всего он хочет сказать нам... хочет, но напрямую не говорит, не может, – он выражает это в символах, в данном случае – в танце!

Дмитрий Иванович: Да о чём вы говорите?! Он, сволочь, пробирки мои нюхает, вот и танцует! Я ему сколько раз говорил, – не дыши над колбой, когда я реакцию провожу, нет, он всё равно, – надышится и начинает выкаблучивать! Протанцевать может пять часов кряду и не устаёт! Я даже не думал о таких свойствах моего нового реактива!

Андрей: Ну, вот же, вот! Вы как химик-неорганист должны отлично меня понимать! И вы понимаете, но не признаёте! Он нюхает, говорите вы?! Да! Нюхает! Но это лишь стимулирует его творчество, – он ещё сильнее хочет рассказать себя миру и передаёт это через символы!

Дмитрий Иванович: Да как так!!! Ну, смотрите же! (Подбегает к Федьке, силой останавливает его танец).

Фёдор: Ба-рыня, ба-рыня, ба-рыня, барын-н-н-я!

Дмитрий Иванович: Фёдор! Фёдор!

Фёдор: Чего?

Дмитрий Иванович: Фёдор, вот чего ты нам сказать хочешь?

Фёдор: Я?

Дмитрий Иванович: Ну, вот, видишь ли, – этот господин утверждает, что ты танцуешь, потому что хочешь нам всем о чём-то поведать, но не решаешься... Так вот, я тебе приказываю, – если ты действительно хочешь сказать нам о чём-то, – не бойся, говори!.. Или ты просто так танцевал?

Фёдор: Я?..

Дмитрий Иванович: Ты, ты!

Фёдор: Я... я чего ж... а чего ж... и скажу... Степану вы, эпизоднику этому, отдали свои штаны с кожаными наколенниками, хорошие штаны, мне-то они шибче нужны были! А так всегда, – вы, кто вас больше любит, вы тому – хуй! А Степан, он-то вас за глаза, знаете, кем называет, – Карлой! Во как! И дочь ваша, когда в одморок от жары упала, он сказал, – вот уж если она в следующий раз упадёт, и никого рядом не будет, вот уж, сказал, я ей попользуюсь! Попробую барского рехинаду!

Дмитрий Иванович: Да... пошёл вон!

Фёдор: Конечно, – правда матку жжёт! Правда, – она никому не любя!

Дмитрий Иванович: Вон! Вон, я сказал!

Фёдор (бормочет на ходу): Конечно.. вон... хорошо ещё тут гости, а так бы не постеснялись, – и по морде бы ударили!.. Или как в тот раз, – осерчали и пхнули мне... до сих пор копчик ноет... (Уходит).

Андрей: Чудесно! Вот видите, – сколько у него на душе сидело, а протанцевал и выразил! Вот так-то можно и писать, – не напрямую говорить, чтобы не пхнули, а намекать, а там каждый в силу своего воображения понимать должен...

Саша: То есть, а вы что, хотите сказать, что вот и такой вот Фёдор может запросто поэтом-символистом сделаться?

Андрей: Ну, видишь ли, Саша, – я же не знаю, как он пишет! Если он вообще писать умеет! Танцует он славно, его танец, – это, безусловно...

Дмитрий Иванович вскакивает, выбегает с веранды, тут же возвращается с огромной клеёнчатой таблицей в руках.

Андрей: ...безусловно, имеет корни в подсознательном...

Дмитрий Иванович: Где?! Покажите мне, любезный мой Домино, – где здесь Фёдор?! Где?!

Андрей: Ну, дорогой Дмитрий Иванович, зачем так-то, – зачем так-то буквально...

Дмитрий Иванович: Нет, вы мне ответьте!

Андрей: Мир – это лес, полный символов! Эта таблица – это ваша полянка, вы тоже о чём-то таком думаете, сочиняете и записываете вот этими знаками, а у Фёдора... своё... у каждого что-то своё, свои символы, каждое слово не случайно, – оно имеет множество значений, так же, как любой предмет – не просто предмет, – в нём тоже заключён какой-то смысл, какая-то идея, которую нужно расшифровать...

Дмитрий Иванович: Хорошо, – не хотите мне про Фёдора отвечать, тогда скажите... (Рыскает глазами по веранде). Вот, вот стул, какая в нём идея?! Что в нём такого, что можно сказать, что это не просто стул, на который мы задницы сажаем, что?!

Андрей: Как же, – вы посмотрите на эту спинку, как она тянется...

Дмитрий Иванович: Куда? (Хватает стул, приподнимает его над собой, тщательно рассматривает).

Андрей: К солнцу! Этот стул не хочет, чтобы на него задницы сажали, – он тянется к солнцу... Так же, как горбун, маленький горбун пытается дотянуться к свету своим горбом!

Дмитрий Иванович (вдребезги разбивает стул об пол, все вздрагивают, но молчат): А бородатый?! У меня вот борода, – что я тогда означаю, зачем я её рощу, что здесь за смысл в моей бороде?! В ней тоже есть что-то такое?! К чему я тянусь?!

Все смотрят на бороду Дмитрия Ивановича, которая своим кончиком упирается как раз ему в пах. Возникает пауза.

Женщина: Ой, не знаю, – мне это всё не понятно... Вот я, что хочу сказать, так об этом прямо и говорю, без всякого тайного смысла и намёков... Допустим, нужна мне мука, да? Хочу купить муки, – так я так и говорю в бакалее, – хочу муки!

Андрей: А мне слышится другое! Вы говорите одно, а мне слышится другое, и то, что мне слышится, – оно, может, и есть истинный смысл вашей фразы, и, вообще, вас самих...

Женщина: И что же вам слышится в моей фразе “хочу муки”?

Андрей: Мне слышится – “хочу муки”, – вот что мне слышится!

Женщина: Как так, – зачем мне мука?

Андрей: Не знаю, наверное, зачем-то нужна, – мука, она ведь может и удовольствие доставлять!

Женщина: Да как так?! Как же это моя мука может вам мукой послышаться?

Андрей: Ха! А как же любезная Любовь Дмитриевна, та самая Любовь Дмитриевна, которая весь вечер стоит в тёмном углу, – как она может в поэзии вашего сына быть Прекрасной Дамой?!

Женщина: Поаккуратнее, пожалуйста, молодой человек!..

Андрей: Нет, я же не в том смысле, что она не прекрасная... она, может быть, даже расчудесная, но только ведь её отсюда не видно, – она стоит там в своём углу весь вечер, в очень тёмном... Любовь Дмитриевна, может, выйдете к нам, – побеседуем, мы ведь не кусаемся... только лаем: Гав! Гав!

Дмитрий Иванович: Она к вам привыкает... привыкнет – выйдет, вы же для неё чужой... она к чужим долго привыкает...

Андрей: А к вам она долго привыкала?

Дмитрий Иванович: Как это, – я же её отец!

Андрей: Но ведь не сразу же она об этом узнала, когда родилась-то, – ведь она не понимала, что вы её отец, избегала вас, боялась?..

Дмитрий Иванович: Дети ничего не боятся, потому что ничего не понимают! Бояться человек потом начинает, с возрастом, когда узнаёт, что бояться надо...

Андрей: То есть, я, значит, напугал? Напугал человека... а всё ж таки странно, – вы мне говорили, что они дружат и у них отношения, ведь даже при постороннем можно всё ж таки взять себя в руки, подойти хотя бы к человеку, который тебя воспел... не срывается как-то...

Женщина: А давайте пойдёмте на пруд, а Дмитрий Иванович, – давайте?

Дмитрий Иванович: Да мне что ж, – можно и на пруд, только там-то лучше чем здесь что-ли?

Женщина: Да, лучше, лучше, гораздо лучше... Там вам Андрей покажет, как кентавры галопируют...

Андрей: А почему же обязательно на пруду? Я могу и здесь!

Женщина: А... а там вы нам покажите, как кентавры воду пили!

Андрей: Это идея... действительно, а как кентавры воду пили, – стаканами или так, – мордой наклонясь?.. Пойдёмте, пойдёмте, господа, – я это обязательно должен решить про себя!

Дмитрий Иванович: Что ж... Любонька...

Женщина: А Любонька и Сашенька здесь останутся, – им поговорить надо...

Андрей: Господа, ну же, идёмте!..

Женщина: Идёмте, идёмте, Дмитрий Иванович, что вы, – в первый раз что-ли их наедине оставляете?

Дмитрий Иванович: А... ну-да, ну-да...

Женщина (к Саше, вполголоса): А тебе я советую, пока мы ходим к пруду, начать хоть какие-то отношения... к нашему приходу она должна соответствовать!

Саша: Да, но...

Женщина: Пойдёмте, господа! Так жарит, на пруду хоть подышим... говорят, вечером рыба дышать начинает, – воздухом, – из воды рот вынает и дышит...

Дмитрий Иванович: Ой, только давайте не об этом говорить, – а то я дома останусь!..

Андрей, женщина и Дмитрий Иванович уходят, Саша и Любовь Дмитриевна остаются одни на веранде. Какое-то время каждый из них прибывает в своём углу, – Саша за столом, Люба на внушительном расстоянии от стола. Вдруг Саша резко встаёт, идёт к Любе, – она вскакивает обходит стол, садится на стул, с которого только что Саша так неожиданно стартанул, а сам он оказывается на её месте.

Саша: Почему вы меня решили избегать?

Любовь Дмитриевна: Потому что я вас узнала!..

Саша: ?!

Любовь Дмитриевна: Да! Да! Да! Это вы следили за мной 18 октября прошлого года!

Саша: Так это были вы!

Любовь Дмитриевна: Вот как, – то есть вам всё равно, за кем следить?! Вы даже меня не опознали!

Саша: Простите меня, простите! На меня, бывает, находит такое... я, видите ли, под впечатлением был, мы как раз в тот вечер обсуждали Мировую красоту... я не знаю... я иду, хочу идти домой, вдруг вижу человека, женщину, – я думаю, – вот она меня не знает, я – её... возможно ли между нами что-то такое, что не даст повода, но в то же время заставит нас думать друг о друге, хотя мне достаточно самому мыслить о ней, как она идёт, куда, что она принадлежит только мне, что она моя, и она может направить меня... заставить творить... Она вдохновит меня, и не узнает... я не узнаю её, а она меня, и этого достаточно, чтобы между нами что-то состоялось... А, главное, никто не узнает и не накажет меня, потому что я просто иду, и кому какое дело, куда...

Любовь Дмитриевна: А что, других не нашлось, за кем идти?

Саша: Тогда вы мне подвернулись, а, бывало, я и за другими ходил, когда накатывает, я не в силах противостоять... виски стреляют, пот градом... град потом... а тогда вы – самое удобное были... И мне потом показалось, что именно за вами ходить лучше всего было... Вы так шли, – виляли, вы как бы дразнили меня, –смогу ли я поймать, то есть, понять вас... расшифровать... Неужели это может стать барьером между нами, между тем, чтобы я свободно мог наблюдать вас...

Любовь Дмитриевна: Да, нет... наблюдайте... теперь мне понятно... а тогда я не поняла и испугалась, а теперь я готова с вами общаться!

Саша: Общаться?! Мне достаточно просто наблюдать... мне этого вполне достаточно...

Любовь Дмитриевна: Да что же вы, – не робейте, я с вами могу пойти и на большее, раз уж вы к нам теперь ходите...

Саша: Да это из-за Андрея...

Любовь Дмитриевна: Вот как?! А так бы вы сами-то не пришли?

Саша: Навряд ли... сам я вообще редко куда хожу, только так, если вдруг! Как тогда...

Саша подходит к столу, Любовь Дмитриевна уже не убегает от него. Саша наливает себе чай.

Любовь Дмитриевна: Но ведь тогда было ещё за кем пойти, было?

Саша: Было...

Любовь Дмитриевна: А вы пошли за мной.

Саша: За вами...

Любовь Дмитриевна: Значит, из всех вы выбрали меня.

Саша: Как-то так получилось, да...

Любовь Дмитриевна: Вы меня очень тогда испугали, – я ведь нарочно блуждала, думала, – вот ведь зачем он идёт за мной, – я думала, – вдруг он хочет узнать, где я живу, адрес мой, чтобы потом уже у дома караулить... Блудила, чтобы вас подальше от дома отвести... А что ж, если вам это так необходимо, и при этом у вас никаких дурных мыслей нету, – так подошли бы и объяснились, – я бы вам разрешила и не пугалась бы уже!

Саша: Да как! Объясняться, вступать в отношения, – тогда ведь это уже не то, – не будет той таинственности, когда я думаю про вас одно, и никакая реальность не нарушит этих моих представлений!

Любовь Дмитриевна: Вот как?! И что же вы обо мне нафантазировали?

Саша: Вы... вы из космоса, вы Вселенная, к вам нельзя прикоснуться... вы свет...

Любовь Дмитриевна: А к свету что ж, – нельзя и прикоснуться?

Саша: Как?!

Любовь Дмитриевна: Ведь даже свечу можно потрогать, – на пальцы поплевать и потрогать... пламя! И лампочку... и ко мне... можно... прикоснитесь, – попробуйте... (Надвигается на Сашу). Ну же! (Протягивает к нему руки).

Саша (отстраняясь): Нет, – нельзя, к вам нельзя, – я тогда... у меня тогда не получится писать, я же пишу, у меня стихи в альманахе, у меня сложился свой образ, он другой, он ... его нельзя нарушать, он уже готов, а вдруг я прикоснусь, и всё будет по-другому? Вы окажитесь другой...

Любовь Дмитриевна: Так вы писали обо мне?

Саша: Не только, тот образ... тогда вы мне показались ею, и я пошёл за вами, потом она мне не являлась, особенно тут, в Шахматове... мне приходилось разыгрывать с Сенеи...

Любовь Дмитриевна: С Сенеи?..

Саша: Ну, да... он ходил, блуждал, как вы тогда... мне нужно было напомнить, нет, вспомнить тот образ, неземной... Надо же, – я не знал, что вы вот так запросто живёте в Боблово... как обычная женщина... мне грустно...

Любовь Дмитриевна: Вот как?!

На веранду влетает мокрый Андрей, он трясёт головой, как собака, вытряхивает воду из ушей.

Андрей: Прошу прощения, помешал... такой вот инцидент произошёл...

Саша: Что с тобой?

Андрей: Искупался... неожиданно! Хотел попробовать воды попить, как кентавры, с мостика наклонился, ещё прошу Дмитрия-то Ивановича, – держите крепче, папенька, за ноги, – свесился, а он не удержал... Плаваю-то я плохо, а и он спасать меня отказался... (К Любови Дмитриевне) Папенька-то ваш воды боится, как ребёнок, ручками затряс и в камышах спрятался, если б не ваша маменька... Только сейчас новая проблема, – она-то в воду залезла, а вылезти никак не может, – стесняется, – у неё платье какое-то тюлевое, как занавеска, промокло и просвечивает, вы бы, Саша, чисто по-семейному, отнесли бы ей чего накинуть, – не всю же ночь ей в воде стоять...

Любовь Дмитриевна: Давайте я ей свой плед вынесу, – он у меня широкий, он её всю покроет...

Андрей: Это было бы здорово, Любовь Дмитриевна, это было бы также фантастично, как и ваш голос, который я, наконец, услышал!

Любовь Дмитриевна (забегая в дом): Идите вытретесь, полотенце в прихожей!

Андрей: И право, – пойду оботрись, солнышко-то уже не светит, так-то не обсохнуть... (Заходит в дом, кричит оттуда). Как-то у меня от испуга бас проснулся, прямо во мне! Низкий такой бас, – я, когда тонуть стал, так заголосил! Ах-х-х-х-х! (Поёт):

О, дайте, дайте мне свободы,

Я Р-р-р-усь избавлю от врага!

А! Каково! Как знать, – я ещё, может, и этим начну заниматься!

Саша: Русь избавлять?

Андрей: Петь! Петь! Я начну петь! (Резко затихает, из дома выходит Любовь Дмитриевна с огромным пледом в руках).

Любовь Дмитриевна: Вот, Саша, бегите, а то как же она там одна, в воде...

Саша: Да... (Берёт плед, сминает его, запахивает в подмышку). Только я пешком пойду, – у меня от бега... у меня от бега. Да-с... (Уходит).

Любовь Дмитриевна: Андрей, вы нашли, чем обтереться?.. Андрей!..

Любовь Дмитриевна прислушивается, Андрей молчит.

Любовь Дмитриевна: Андрей, с вами всё в порядке?! Андрей!

Из дома неожиданно вылетает Андрей, такой же мокрый, как и заходил.

Андрей: Страшно, страшно, страшно!

Любовь Дмитриевна: Что?! (В испуге отскакивает от двери в дом).

Андрей: Страшно... поневоле... Там темно... тихо... и вдруг так – шурх! Шурх! Под обоями... шуршит кто-то...

Любовь Дмитриевна: Под обоями?

Андрей: Ну да... (Переходит на шёпот) Под обоями... у вас никто не спрятан под обоями?..

Любовь Дмитриевна (шепчет): А у нас в прихожей нет обоев...

Андрей: Нет?

Любовь Дмитриевна: Нет...

Андрей: А я не в прихожей был...

Любовь Дмитриевна: А где?

Андрей: На втором этаже... в комнате с зелёными обоями...

Любовь Дмитриевна (во весь голос): Это моя комната! Что вы там делали?!

Андрей: Обтереться искал чем...

Любовь Дмитриевна: Нашли?

Андрей: Нет...

Любовь Дмитриевна: Я же вам сказала, – в прихожей!

Андрей: А что, пока мы на пруду были, – вы с Сашей познакомились?

Любовь Дмитриевна: Да... То есть как?! Мы уже давно знакомы!

Андрей: Вы что, вы меня за кого считаете, – думаете, человек весь в своём, весь в своих, так его можно запросто так развести... в вашей комнате портрета Саши нет!

Любовь Дмитриевна: Нет.

Андрей: И в его вашего тоже нет! Я проверял! Мне иногда, знаете, нравится расследования проводить, так, чтобы по законам логики всё приводить к верному решению... к какому-нибудь...

Любовь Дмитриевна: Да что ж такого, что портрета нет!

Андрей: Как же! Как же! Где это вы видели, чтобы молодые люди и без любимого образа у себя перед коечкой! А ведь вы не просто его девушка! Он ведь вас за прототип решил выдать!

Любовь Дмитриевна: За что?

Андрей: Прекрасная Дама! С вас он должен был писать, а вы его даже не знаете! Я его больше знаю, чем вы!

Любовь Дмитриевна: Неправда! Неправда! Я Сашу знаю!

Андрей: Вот как?! Тогда скажите мне, – какой его самый любимый пиджак есть? И почему он один с маменькой живёт? А как у них в Шахматове принято, – в котором часу обедать? А как Саша салат любит, – с маслом или со сметаной?! А кто старуху процентщицу убил?!!

Любовь Дмитриевна (сквозь слёзы): Что вам от нас надо?

Андрей: Правду! Я хочу знать правду! Кто она, – Прекрасная Дама, – вы или не вы! Вот где вопрос! Я так думаю, что меня просто хотели надуть!

Любовь Дмитриевна: Это я! Я его прототип, он с меня стихи пишет, это точно, это правда... только он сам этого не знал, а сегодня узнал, что это я была...

Андрей: Ложь! Докажите! Мне нужно точно знать! Вашему бреду я не верю, тем более что он бред!

Любовь Дмитриевна: А вы показались мне весёлым, жизнерадостным человеком, который не может причинить зла...

Андрей: Ой, только не надо меня в пепел обращать, жечь меня так-то... я ж не виноват, что и вы сообщницей его сделали... (К веранде подходят Саша с мамой). А вот и они, вот сейчас мы и проверим, как он вас ценит, как Даму или как заговорщицу...

Андрей резко подбегает к Любовь Дмитриевне, обнимает её и целует. Она с силой отпихивает его, всё это наблюдают Саша и его мама.

Женщина: Да... зябка... а я как погляжу, Любонька, вы быстро с людьми сходитесь...

Любовь Дмитриевна: Да я... он сам... он пристал...

Андрей: А тут у нас с Любовь Дмитриевной диспут возник, – я вот утверждал, что она не прототип, и Саше абсолютно наплевать, что с ней и кто с ней, – раз она не та Дама...

Саша: Но как же, – ведь она та...

Женщина: Да, она – та! Как вы смеее ещё сомневаться?!

Андрей: Но так если она – та, а я её так обლობызал, нагло, по-хамски, не спросясь... и ещё хочу... так меня в самую пору и на место поставить!.. На дуэль вызвать, а?! Раз я посмел оскорбить прототип! Да что там прототип, – сам образ, если она, конечно, та, за которую вы мне её подсунули, а, маменька?!

Женщина: Да как вы смеее!

Андрей: Да! Как я смею! Накажите меня! Дуэль?! Или отступитесь?.. Если она не та, так что ж стреляться из-за незнакомки? Жизнью рисковать... а так, ну нет её, так что ж... можно и пчёл разводить... не всем же поэтами быть... а я доложу, что так и так, – нету Прекрасной Дамы, – фантазии всё... А таких фантазёров сейчас в России каждый второй, и все пишут о своих фантазиях, этим вы никого не убедите покупать и наизусть учить, – людям нравится настоящее...

Саша: Она настоящая!

Андрей: Тогда дуэль?

Саша: Мама?

Женщина: Да, дуэль!

На веранду крадучись пробирается Дмитрий Иванович.

Любовь Дмитриевна: Папа!

Дмитрий Иванович (к Андрею): А, так вы живы... что ж... я рад...

Андрей: Дмитрий Иванович, прошу вас быть моим секундантом!

Дмитрий Иванович: Да как же, ведь вы только что ведь чуть не того... и опять хотите... прямо как чешется у вас, право слово!

Андрей: Чешется, Дмитрий Иванович, очень чешется, – соглашайтесь!

Саша: А у меня кто ж? Мама?

Женщина: А что, – да! Я буду твоим секундантом!

Дмитрий Иванович: Вы точно стреляться будете?

Женщина: Не вопрос!

Дмитрий Иванович: Тогда я могу предложить вам... там у меня чудесные дуэльные пистолеты, семейная реликвия... в футляре, новые... из них ещё никто не стрелялся...

Андрей: Ну, вот мы и обновим... Где будем стреляться?

Дмитрий Иванович: Только не на пруду! Я вас очень прошу, – там у нас, за домом, если чуть пройти, полянка...

Андрей: Славно, только давайте прямо сейчас, – а то все эти ночи перед дуэлью, знаете, все эти Печорины, Грушницкие, письма, – давайте без этих соплей, прямо сейчас, а? Господа?

Дмитрий Иванович: Как скажите, – вы гости...

Андрей: Саша, ты не против...

Саша: Да... без соплей... пока я не успел подумать, давайте, немедленно... (Вдруг опомнившись). Мама, а как же?..

Женщина: Ведите, ведите нас на эту полянку, мы вам всем докажем! А то что ж?! Так тогда каждый будет подозревать, – дуэль, – пожалуйста!

Дмитрий Иванович: Любонька, ты пока веди туда, помнишь, куда я реактивы выбрасываю отработанные, а я пока за пистолетами, – один секунд, господа, я вас догоню!

Все отправляются на поляну, Дмитрий Иванович забегает в дом за пистолетами.

Сцена четвёртая.

Небольшая полянка с огромной кучей не то сена, не то превратившегося в сено мусора. Посреди полянки стоит Дмитрий Иванович с огромным подарочным футляром в руках, справа от него – Саша с матерью, слева – Андрей. Любовь Дмитриевна нервно вышагивает вокруг дуэлянтов.

Женщина: Саша, вы когда начнёте расходиться, – ты сразу стреляй ему в спину, сразу!

Саша: Но ведь так нечестно!

Женщина: Ну и что, – кто об этом узнает... Любовь Дмитриевна и Дмитрий Иванович свои, – они не выдадут...

Саша: Да... не выдадут...

Женщина: Зато живым останешься, – это главное... (Плачет). Ты ведь только подумай, – ведь всё по-настоящему, а вдруг он-то не промахнётся и убьёт тебя...

Саша: Да... вот уж не думал, что так-то... никак не думал... Дикость какая... может мне поговорить с ним... я-то думал, – худо бедно, до старости как-то, а там уже... надо поговорить...

Женщина: Нет, нет, нет – надо идти до конца, а то как же... Может, он сам сейчас на попятную повернёт... вон, как сопит, как бык!.. Эх, как его бычит... тоже ведь, хоть и с

причудами, а человек, – значит, боится! Ты, главное, виду не показывай, ну, а если дойдёт дело, – говорю тебе, – как только он повернётся шаги мерить, –стреляй!

Андрей (подходит к Дмитрию Ивановичу): Ну-с, голубчик, какой пистолет вы мне посоветуете... (понижает голос) как мой секундант, – чисто по-товарищески... Какой из них пристрелян, а?

Дмитрий Иванович: Не знаю... я же говорил, – я из них ещё не стрелялся...

Андрей: Да? Вот этот, вроде, как ржавый, – я тогда этот возьму...

Дмитрий Иванович: Да почему же ржавый, – они оба новые...

Андрей: Оба новые, а только этот уже ржавый!

Дмитрий Иванович: Да как же, – давайте я тогда сбегая за перекисью, протру его...

Андрей: Не надо, – мы его Саше дадим...

Дмитрий Иванович: Да как же, если он ржавый, он же может не выстрелить...

Андрей: Ну, и славно, – вы разве хотите, чтобы кто-нибудь пострадал?

Дмитрий Иванович: Я? Нет!

Андрей: Ну, вот, видите!

Дмитрий Иванович: Да... славно, но если он не выстрелит, а вы выстрелите...

Андрей: Что вы тут мне, – если да кабы... Как на базаре! Что ни произошло, то должно было произойти! Очень верная китайская пословица! Я ей всегда следую, и вам советую! Вы вот что мне лучше скажите, – ведь стреляться надо с десяти шагов!

Дмитрий Иванович: Да? Не знаю...

Андрей: Вот и славно, – вы уж раз самый старший из нас, – вы так авторитетно сейчас заявите, что, мол, стреляться надо либо с пяти шагов, либо с тридцати!

Дмитрий Иванович: А почему так-то?

Андрей: Да видите ли, – я на один глаз близорук, а на другой дальнорук, поэтому мне иначе никак! Я вот и сейчас, знаете, как вас наблюдаю с моим зрением, – как банку стеклянную, – мне ваше лицо банкой видится, в которую на ночь кто-то накладную бороду опустил, – вот так-то я страдаю, так что вы объявите, только с видом знатока!

Дмитрий Иванович: Ну, что ж господя! Пора! Выбирайте пистолеты!

Андрей тут же хватается давно присмотренный им пистолет. Саша подходит к Дмитрию Ивановичу, недовольно хмыкнув, берёт оставшийся пистолет.

Любовь Дмитриевна (подбегает к Саше): Саша, я хочу сказать вам... хочу сказать, с того самого момента, когда вы мне всё рассказали... что, если я та, кого вы описали в своих стихах, или даже не та... мне всё равно хотелось бы с вами начать то, что возможно между двумя молодыми людьми, которые, как и мы, могли бы оказаться в подобной ситуации, когда всё против, но тем сильнее окажется...

Саша: Да, пожалуй...

Любовь Дмитриевна: Не каждый день, Саша, не каждый день вам говорят, что... даже прикоснуться нельзя, потому что я образ... мне... вы мне сказали то, что никто мне до этого не говорил, хотя, конечно, я не разделяю многого, и мне кажется, что вполне всё возможно, даже с образом, с идеей, которая как бы вся не из материи, но, если я есть, – то мне хотелось бы, чтобы побыстрее всё закончилось, и вы рассказали бы мне, а я дала бы вам повод убедиться, что я права...

Саша: Да... побыстрее бы... (К Дмитрию Ивановичу). Побыстрее бы!

Дмитрий Иванович: Стреляться надо либо с пяти шагов, либо с тридцати! Вы как выбираете?

Женщина: С тридцати!

Саша: Маменька! Я и с пяти-то не знаю, как попасть, а с тридцати... да и пуля-то летает на столько?

Женщина (вполголоса): Тебе-то что?! Тебе главное, чтобы он отвернулся и пошёл шаги считать, а пока он до тридцати досчитает, ты в него десять раз выстрелить успеешь! (Громко, всем) С тридцати, – мы настаиваем!

Андрей: Я не против!

Дмитрий Иванович: Ну и славно! Что ж, господя, – тогда подходите ко мне, поворачивайтесь спинами друг к другу и расходитесь... А потом сходитесь, или сходитесь, а потом расходитесь... я, право, не знаю, то есть не совсем в курсе, как это всё положено... Любонька, ты ведь должна знать, – у тебя же это в твоих романах написано...

Любовь Дмитриевна: Ну, как, – в принципе, можно установить метку и от неё вести отсчёт, – от неё надо будет расходиться...

Андрей: Да что вы, право, комедию из этого устраиваете?! Какую метку?! Вот Дмитрий Иванович, чем не метка, – от него разойдёмся, выстрелим! Что вы, право, плёвое же дело!

Саша: Действительно, что на романы ориентироваться! Там, тем более, художественный вымысел!

Андрей: Да!

Саша: Чушь! Небыль!

Андрей: Да!

Саша: Давайте уже и покончим с этим... да?..

Андрей: Да!

Саша: Так, давайте Андрей, подходите... (Андрей и Саша становятся рядом с Дмитрием Ивановичем спиной друг к другу, но почему-то не расходятся, – дуэлянты замерли, задумались о чём-то своём).

Любовь Дмитриевна (неожиданно вскрикивает): Папенька!

Все (выронив пистолеты): Что?!

Любовь Дмитриевна: Да нет, я так... только, может, отложить это всё, – ведь глупо же?

Дмитрий Иванович: Да, господа, – я совсем забыл, может, возможно как-то так, – на словах объясниться, – без убийства?.. То есть, что-то там положено перед дуэлью... ещё раз спросить о чём-то таком... вот я и спрашиваю, да-с...

Андрей: Так на словах мы уже объяснялись, – пора уже скрепить слово делом...

Саша: Я, право, вообще не знаю, – в чём суть претензий... Поэтому и объясняться не имеет смысла...

Любовь Дмитриевна: Господа, ну, честное слово, – такой прекрасный вечер, и ещё сколько таких прекрасных вечеров может быть у нас всех, у нас всех...

Андрей: Я готов отложить... и даже совсем перестать, но только если Саша изволит сознаться, что хоть вечер и прекрасный, а вы всё ж таки, Любовь Дмитриевна, не Прекрасная Дама!

Саша: А почему я должен делать так, как вы мне указываете?! И почему это то, что мы вам с маменькой сказали, не может быть правдой?!!

Андрей: А вы за маменьку-то не прячьтесь, – вы за себя отвечайте!

Женщина: Саша за себя отвечает, Саша за всё отвечает! А вы раз не верите, то сейчас и получите пулю в лоб!

Андрей: Отлично! У меня такой большой лоб, – мне все говорят, даже дома, говорят – Боря, у тебя такой большой лоб, что если в него даже и пуля попадёт, так ты и не почувствуешь! (Смеётся).

Женщина: Саша, стреляй ему тогда в лёгкое, – вон, он ржёт, как мерин, а с дыркой в лёгких он недолго просопит!

Саша: Я, мама, куда попаду, туда уж и попаду, – если вообще попаду...

Андрей: Очень вам желаю не промахнуться, потому как я мазать не намерен!

Саша: Отлично!

Андрей: Великолепно!

Саша: Да-с... вот так!

Дуэлянты опять поворачиваются спинами друг к другу, но не расходятся.

Андрей (выдержав паузу): А ведь всего одно слово, Александр, всего одно слово... “Не та”... И всё, – пойдём наслаждаться вечером... и другими вечерами...

Любовь Дмитриевна: Я отлично пою, – я могу вам спеть... попеть, господа, заварим чай, снова... я спою... папа может показать вам отличные опыты, – там,.. “Чёрный палец”, да, папа?..

Дмитрий Иванович: Ну, а чего ж...

Любовь Дмитриевна: Там в пробирку наливаешь кислоту и подсыпаешь плюмбака какого-то, и из пробирки начинает подниматься, то есть, лезть такой чёрный палец...

Андрей: Одно слово, Саша... “Не та”...

Женщина: Саша, стой на своём!.. Та! Саша, – та!

Андрей: “Не...та”...

Любовь Дмитриевна: Чёрный палец, Саша, чёрный палец... вылазит из пробирки... чёрный палец...

Дмитрий Иванович: А что ж... это для меня не хлопотно... всего-то реактивов, – двадцать пять грамм... а удовольствия на целый фунт!

Андрей: “Не та”...

Женщина: Та!

Саша: Да что вам всем от меня надо! Та, не та! Какая вам всем забота, что вам всем надо?! Я пишу и пишу! Сказано вам, что Любовь Дмитриевна! Хотите знать большего, – пожалуйста, сейчас я вам устрою пулю в лоб, и вы встретитесь и с Прекрасной Дамой, и с кентаврами вашими, – вы всё узнаете, всё! Или я... Вот пристали... откуда мне самому-то знать... я сам, может, хочу разобраться... зря вы меня тронули... Вы с огнём играете!!! Меня нельзя трогать!!! Я теперь на всё готов!!!

Андрей: Чудесно! Я тоже готов, тем более, если всё узнать, – я готов всё узнать!.. Лишь бы вы меня опять не обманули... (Ехидно улыбается).

Саша: Ну, хорошо же, – вы сами напросились... начнём...

Дмитрий Иванович: Ну, что ж, господа, – как я понял, – словами вы не хотите решать ваш спор, что ж, – тогда пожалуйста, – расходитесь на тридцать шагов, а потом, видимо, сходитесь... в общем, начинайте...

Любовь Дмитриевна закрывает лицо руками, мама Саши напряжённо смотрит на сына, Андрей начинает идти и считать шаги, Саша стоит на месте.

Женщина (шепчет): Давай, ну, же, – давай!

Андрей отмерил уже семь шагов, а Саша всё так же стоит на месте.

Любовь Дмитриевна: Саша, расходитесь, Саша... идите... надо идти... Саша...

Дмитрий Иванович стоит, зажмурившись, на своём месте в качестве метки. Андрей отмерил десять шагов. Саша медленно поворачивается, направляет пистолет в спину Андрея, трясётся от напряжения, целится, отворачивается от своей потенциальной мишени, закрывает глаза, – его руку чисто механически отводит от мишени куда-то в сторону Любовь Дмитриевны, но Саша этого не замечает, он нажимает на курок... выстрела не происходит. Саша ещё раз жмёт на курок, – результат такой же.

Саша: Господа, ну как же так, – Дмитрий Иванович, где пули-то? Пистолет не стреляет, в нём нет пуль!

Андрей: Да? (Наводит пистолет на Сашу, нажимает на курок, – тишина).

Женщина (подбегает к Саше, выхватывает из его рук пистолет): Ну, что же ты, – надо сильнее нажимать! (Жмёт на курок, наведя дуло, сама того не замечая, на Дмитрия Ивановича, который, кстати, один из всех, не доверяя тому, что пуль в пистолете нет, пригибается, очевидно, полагая, что, мало ли что... как в химии, во время опыта...).

Саша: Дай я сам! (Вырывает у матери пистолет, смотрит в дуло, трясёт его, жмёт ещё раз на курок). Нет пуль...

Андрей: Что же нам теперь, – кидаться что ли ими... или на шпагах... У вас есть шпаги, Дмитрий Иванович, или они тоже непригодны для убийства, какие-нибудь шпаги без кончиков, просто рукоятки...

Саша (с силой швыряет пистолет на землю): Почему так-то?! Почему всё так?! Сколько мне ещё страдать?!!

Все затихают.

Саша: Почему я не мог стать кем-то другим, почему обязательно этим... Этим, а не другим! Вот ведь мне даже иногда и снится, что я – не я, то есть, не тот, кто сейчас, кем есть... кто есть, а я вагоны проверяю, железнодорожные... Хожу и смотрю под низ вагонов, стучу палкой железной... Если звук оттуда ровный, с дзиньканьем таким, – значит всё нормально, а если глухой, дзынк... такой, – я иду к начальнику состава, докладываю, и так-то до самого вечера... так устаю, и так рад, что прилечь можно... А сейчас-то вот лежу, и мне плохо, и за день много раз кажется, что плохо, а потом, вроде как, хорошо... Но нет какого-то чувства, которое наверное, есть у всех, счастья какого-то, покоя... что вот я живу, – и это хорошо, а мне кажется, что, если я чувствую себя плохо, так и жизнь – это плохо... мне единственно, что пишу, так легче становится, – но если б мне дали шанс, что я писать не смогу, но почувствую вот тоже, что и все, и пути обходить, вагоны проверять, уставать и радоваться, – так я бы, не думая, согласился бы... и променял... так мне хочется другого, не этого всего... (Плачет). Даже хотя бы мужиком этим быть, плясал который, – прислуживать и жить полной жизнью, и не бояться заснуть, а наоборот, – хотеть, весь день хотеть... спать!..

Андрей (подходит к Саше, обнимает его): Ну, зачем же из-за этого расстраиваться?.. Зачем... зачем... милый мой друг... (обнимает Сашу). Вы теперь мне друг... друг... друг... Вы же, что же, – вам ведь так плохо, потому что вы думаете, что вы такой один, и никто больше так не страдает... а ведь таких много, – я такой, Валерий Яковлевич... Мне тоже казалось, что кто-то на мне отыгрался и определил... в таком виде жить... А оно ведь, если подумать, так по-другому-то – никак, даже если вагонами заняться...

Саша: Вы меня просто банально успокаиваете...

Андрей: Да нет же, я, знаете, когда в первый раз понял, что живу, – в три года, – у меня такой приступ был, жар... Я в бреду... в бреду... и тут же включилось сознание... У многих в такие моменты папы-мамы перед глазами, игрушки, карусели, а у меня перед глазами

стены расплывались и чудовища микстуру в рот подсовывали... Так-то и до сих пор, – я, вот, то нормально всё вижу, а то вдруг всё плывёт... И вы знаете, – не жалуясь... перестал жаловаться... Потому что это помогает писать... а тот, кто не пишет, а болты, к примеру, прикручивает, – так у него своё тоже что-нибудь есть такое, что мешает ему радоваться и наслаждаться... Это он на людях притворяется, что счастлив, а дома такие концерты устраивает и близким, и себе, – у него, может, мысли, что лучше бы ему было не болтами заниматься, а писать, к примеру... и не уставать, может, ему хочется... он-то думает, что мы с вами, не устаём... Вот даже и ты так думаешь, а на самом деле, человек, который не устаёт – устаёт ещё больше, потому что он начинает прислушиваться к себе, к своим чувствам... Вот ты! Ты развил в себе такую чувствительность и вдруг решил, что несчастен! Ну, же! Всё хорошо! То, что тебе кажется твоим несчастьем – это твоё счастье! Раз по другому никак, – значит жизнь – она такая, вместе со всеми твоими ощущениями! Она такая! И по другому никак нельзя! Радуйся! Я лично очень рад!

Женщина: Вот он всегда так, господа, – из-за ерунды вдруг начинает расстраиваться... Даже в детстве, – начинает играть... любимая у него игрушка была – кукла без ног, он её Свидетель назвал... Играет и вдруг так распахивается, – мы поначалу прятали от него игрушки, так он ещё больше расстраивался, тогда мы их к полу прибили... они на полу лежат, – значит, никто их от тебя не спрятал, только поднять их с пола и поиграть никак не можно было!

Саша: А как же дуэль?..

Андрей: А что дуэль, – забудь про дуэль, Саша, – вот ерунда-то! Самое главное уже состоялось! Ведь для того, чтобы что-то выстрелило, совсем не обязательно стрелять! Мне всё, что нужно было, я узнал!..

Женщина: Что вы узнали?

Андрей: Да успокойтесь вы, мама, – совсем не то, о чём вы подумали! Ведь вот мы как прочитали с Валерием Яковлевичем ваши стихи, – так он у меня сразу и спросил, – наш он или не наш? Ведь ты нам, Саша, представлялся таким барчуком, у которого всё в порядке, и вдруг что-то осенило, а в нашем деле ведь как, – важен поток, – чтобы не единожды, а постоянно вас осеняло, а такое не с каждым случается... Ведь некоторые начинают понимать, – куда всё это может привести и бросают, бросают писать... Потому что страшно, очень страшно... Вот всё о чём вы сейчас нам говорили, – ведь такое не все выдерживают... отступаются, идут гайки крутить, хотя и там потом счастливыми себя не чувствуют... но всё же... А вы, я понял, готовы идти до конца, ведь вот как вы меня, – убить хотели за эту вашу Даму!

Саша: Так и вы меня...

Андрей: Да, я просто поугагать, проверить, – я бы не стрелял...

Женщина: Ну, знаете, можно было и так определить, что у нас всё здесь серьёзно и по-настоящему...

Андрей: Нет, по-другому нельзя... Ведь вот и Валерий Яковлевич всё думал, – о чём ваш сын пишет... Ведь никакой Дамы быть не может, это понятно... но ведь что-то есть... Что-то есть... Да, но только так, для публики, – лучше чтобы был прототип, – я думаю, мы его тут общими усилиями разыскали... А то ведь многим читателям спокойнее, когда у них сиденье есть, на которое сесть можно, сесть и читать, а если вы их заставите в воздухе висеть... это только человеку с таким же сознанием, как у вас, понравится, может, вот, типа, меня, или Валерия Яковлевича... а публике нужно сиденье, почва под ногами... да...

Дмитрий Иванович: Господа, ровным счётом ничего не понимаю, господа, – что здесь происходит... Что? Что мы здесь делаем?

Андрей: Волшебный сад, Дмитрий Иванович, – вы привели нас в волшебный сад, чудесный вы наш проводник! Эта куча, этот запах, этот воздух...

Любовь Дмитриевна: Уже, между прочим, холодный!..

Андрей: Это очистительный холод, Любовь Дмитриевна! Очистительный! Очистительный холод, чудесный сад... И у каждого в жизни есть такой сад, только не все могут к нему продраться...

Любовь Дмитриевна: Продраться?

Андрей: Да, сквозь заросли, – ведь у всех свои заросли, – кто-то так на всю жизнь и застревает, в каком-нибудь барбарисе...

Дмитрий Иванович: Или в самородинном! У меня в этом году, господа, такая самородина! Запросто в ней запутаться можно! Мы столько с Любой всего из неё понаделали!

Андрей: Это в этом-то климате у вас выросло?

Дмитрий Иванович: Да!

Андрей: Не верю!

Дмитрий Иванович: Правда!

Любовь Дмитриевна: Папенька правду говорит!

Женщина: Да вы его не слушайте, – он никому не верит!

Андрей: Но ведь климат-то не позволяет...

Дмитрий Иванович: Так это если знать, чем удобрять!

Андрей: А-а-а!

Дмитрий Иванович: А-а-а-а!

Пока шёл этот спор, Саша поднял с земли пистолет, осмотрел его, приподнял над головой, нажал на курок – раздался выстрел, Саша присел от испуга, Андрей упал.

Все: А!

Саша: Как же так!

Дмитрий Иванович: Пистолет-то... там же барабан... там, видимо, один патрон всё-таки был... в барабане, пятый раз вы нажали...

Женщина: Андрея убили...

Саша: Да как же, – я же не в него, и я не знал...

Все склоняются над Андреем.

Любовь Дмитриевна: Как-то теперь надо будет всем объяснить...

Дмитрий Иванович: Ой, у меня и так столько проблем, – никто не верит, что я первый таблицу сочинил, ещё один такой выискался – в Англии, а теперь уж точно, – скажут, – такой-то человек не мог, эх Саша...

Андрей неожиданно вскакивает.

Андрей: Пух!

Все: А!

Андрей: Испугались?! А я пошутил! Мне всегда это нравится, – взять закрутить, а потом так – А! Мистификация, да? А иначе – скука, да!

Шатаясь, идёт по поляне.

Андрей: А иногда вот так, иду по улице, с друзьями, с родителями, а потом так, – А! (Падает на землю ничком).

Все: Андрей... ну сколько можно... вас не задело... вы, правда, живы...

Андрей: Да жив же, жив! Просто придумываю! (Кричит). А! (Падает, вскакивает).
Давайте, давайте все вместе, господа, – давайте! Как будто что-то случилось, и нас нет, а
потом вдруг резко оживём! Ну, давайте...

Женщина: Давайте, а то он не уймётся!

Дмитрий Иванович: Ну, если только разик...

Андрей: Только разик, господа, только разик...

Все, кроме Андрея, ложатся на траву.

Андрей: Нет, господа, – надо ничком, упасть... вставайте, заново давайте!..

Все встают, готовятся упасть.

Андрей: Так, готовы... А!

Все: А!

Падают, какое-то время лежат.

Андрей (вскакивая): Ха!

Все (недружно вскакивая): Ха! Ха! Ха...

Дмитрий Иванович (отряхиваясь): А что ж, – забавно...

Саша: Даже какая-то усталость появилась...

Любовь Дмитриевна: И не холодно...

Женщина: Какое холодно! Парит! Я вся в поту!

Андрей: Давайте ещё, господа, а? Давайте, ну, ещё разик! Сейчас уже лучше должно
получиться!

Саша: Да давайте!

Дмитрий Иванович: Легко!

Андрей: Так, готовы?

Все: А!

Дружно падают, как будто всех одновременно скосило какой-нибудь убийственной силой. К цепочке придуривающихся выходит Фёдор. Он очень удивлён, увидев ничком лежащих господ. Мужик разглядывает общую картину, замечает пистолеты, трогает ногой тело Дмитрия Ивановича.

Фёдор: Постреляли друг дружку... постреляли... совсем от безделья с ума посходили... массово... и постреляли... А что же, – когда потолок-то белить... Дмитрий Иванович?.. Эх, Дмитрий Иванович... (Оглядывается, наклоняется над телом Дмитрия Ивановича, растёгивает ему брюки). Жаль, на этих-то заплат кожаных нет, но тоже ничего...

Все (резко вскочив): А!

У Дмитрия Ивановича сползают растёгнутые штаны, Фёдор от испуга падает на землю.

Дмитрий Иванович: Шустр, братец, шустр! (Надевает штаны). Уже и раздеть меня вздумал...

Фёдор: Ой! Дмитрий Иванович, да кто ж знал, – я ж думал вы того, – пострелялись все... дом-то ремонтируется, в дом не пройти, а на веранде что делать, – я подумал, вы уже развлеклись так совсем...

Андрей: А давайте с Фёдором, господа, – и так серией прямо! Несколько раз кряду!

Дмитрий Иванович: Ну-ка, Федька, – давай к нам!

Фёдор: Да чего ж, я не умею!..

Андрей (хватает Фёдора за руку): Умеешь братец, умеешь, – все умеют! Надо только вспомнить! Ну-ка!

Все: А!

Падают, долго лежат. Резко вскакивают.

Все: А!

Андрей: И снова!..

Все: А!

Падают. Всккивают.

Все: А!

Снова падают.

Все: А!

Долго лежат, почему-то не вскакивают, но видимо сейчас вскачут. Каждый настолько хорошо чувствует другого, что понимает – ещё не время вскакивать, стоит ещё немного полежать, чтобы вскочить всем вместе...

Конец.